

Байрон (Джордж Гордон Ноэл)

Марино Фальеро, дож венецианский

Джордж Гордон Байрон

Марино Фальеро, дож венецианский

Историческая трагедия

в пяти актах

Перевод Г. Шенгели

Dux inquieti turbidus Adriae.

Horace {*}.

{* Вождь возмущенный буйственной Адрии. - Гораций (лат.)}

ПРЕДИСЛОВИЕ

Заговор дожа Марино Фальеро - одно из самых замечательных событий в анналах самого своеобразного правительства, города и народа в новой истории. Событие это относится к 1355 году. Все в Венеции необычайно - или, во всяком случае, было необычайно; ее внешний облик кажется сновидением, и история ее похожа на поэму. История Марино Фальеро рассказана во всех хрониках и особенно подробно в "Жизнеописании дождей" Марино Сануто, которое я привожу в приложении. Она передана просто и ясно и, быть может, более драматична сама по себе, чем всякая драма, которую можно написать на этот сюжет.

Марино Фальеро, по-видимому, был очень талантлив и храбр. Он предводительствовал венецианскими войсками при осаде Зары и победил венгерского короля с его восьмидесятитысячной армией, убил восемь тысяч и в то же время продолжал вести осаду; я не знаю ничего равного этому подвигу в истории, за исключением действий Цезаря под Алезией или принца Евгения под Белградом. В той же войне Марино Фальеро был после того начальником флота и взял Капо д'Истрия. Он был посланником в Генуе и Риме и в Риме получил известие о своем избрании в дожи. Тот факт, что он был избран заочно, доказывает, что он не вел интриг с целью быть избранным, потому что узнал одновременно о смерти своего предшественника и о своем избрании. Но у него был, как видно, необузданный характер. Сануто рассказывает, что за несколько лет до того, как Фальеро был подестой и капитаном в Тревизо, он дал пощечину епископу, который слишком долго не выносил причастия. Сануто осуждает за это Фальеро, как Тваком Сквейра, но не говорит, получил ли он порицание от Сената и был ли наказан за свою дерзость. Кажется, что он был впоследствии в хороших отношениях с церковью, так как назначен был посланником в Рим и получил в лен Еаль-ди-Марнко в марке Тревизо, а также титул графа от Лоренцо, архиепископа Ченедского. Эти факты я почерпнул из таких авторитетных источников, как Сануто, Веттор Санди, Андреа Навагеро, а также из отчета об осаде Зары, впервые напечатанного неутомимым аббатом Морелли в его "Monumenti Veneziani di varia Letteratura" {Памятники венецианской литературы (итал.)} (1796); все это я прочел в оригинале. Современные историки, Дарю, Сисмонди и Ложье, приблизительно сходятся со старыми летописцами. Сисмонди приписывает заговор ревности Фальеро, но это не подтверждается

свидетельствами национальных историков. Веттор Санди говорит, правда, что "иные писали, будто бы... из-за своей ревливой подозрительности (Микель Стено) дож решил на свой поступок" {Цитируется Байроном на итальянском.} и т. д., но это далеко не общее мнение, и на это нет намека ни у Сануто, ни у Навагеро; Санди сам прибавляет также, что, "судя по другим венецианским преданиям, не только жажда мести вовлекла его в заговор, но также его врожденное честолюбие, внушавшее ему желание стать независимым правителем" {Цитируется Байроном на итальянском.}. Первым поводом послужило, по-видимому, оскорбление, нанесенное дожу Микелем Стено, который написал на герцогском престоле грубые слова, и тот факт, что к обидчику слишком снисходительно отнесся судивший его Совет Сорока, ввиду того что Стено был одним из его "tre capi" {Трое старшин (итал.)}. Ухаживания Стено, по-видимому, относились к одной из придворных дам, а не к самой догарессе, репутация которой была безупречной, хотя ее славили за ее красоту и за ее молодость. Я не нахожу нигде указаний (если не считать таковым намек Санди) на то, что дож действовал под влиянием ревности к жене; напротив того, он высоко чтит ее и отстаивал свою честь, опираясь на свои прежние заслуги и высокое положение.

Я не встречал указаний на все эти исторические факты у английских писателей, за исключением того, что говорит д-р Мур во "Взгляде на Италию". Его передача неверна и непродуманна, переполнена пошлыми шутками о старых мужьях и молодых женах, и он удивляется тому, что такие мелкие причины привели к таким важным последствиям. Не понимаю, как это может удивлять такого глубокого и тонкого знатока людей, как автор "Зелуко". Он ведь знал, что герцог Мальборо получил отставку из-за того, что пролил кувшин воды на платье миссис Мэшем, и что это привело к позорному утрехтскому миру, что Людовик XIV впутался в несчастные войны из-за того, что его министр обиделся, когда он высказал неудовольствие по поводу какого-то окна, и король хотел занять его чем-нибудь, чтобы заставить забыть обиду. Известно, что Елена погубила Троя, что Лукреция была причиной изгнания Тарквиниев из Рима, что Кава привела мавров в Испанию, что галлов повел в Клузиум и оттуда в Рим оскорбленный муж, что один насмешливый стих Фридриха II над мадам де Помпадур был причиной битвы при Росбахе, что бегство Дирборгили с Мак-Мэрчедом привело к порабощению Ирландии Англией, что личная ссора между Марией-Антуанеттой и герцогом Орлеанским ускорила первое изгнание Бурбонов и - чтобы не нагромождать еще примеров - что К омод, Домициан и Калигула пали жертвами не своей тирании, а личной мести и что приказ Кромвелю сойти с корабля, на котором он хотел отплыть в Америку, погубил и короля и республику. Как же ввиду всех этих примеров д-р Мур удивляется тому, что человек, привыкший повелевать, занимавший самые ответственные посты, долго служивший родине, может глубоко возмутиться тем, что ему безнаказанно нанесли самое грубое оскорбление, какое только можно нанести человеку, будь то владетельный князь или крестьянин. К тому же Фальеро был в то время стариком, а - как говорит поэт - "гнев юноши горит как солома, но раскаленной стали подобен гнев старика... Юноши легко наносят обиды и забывают о них, но старость медлительна и в том и в другом".

Рассуждения Ложье более философские: "Таков был позорный конец человека, которого его рождение, его возраст, его характер должны были оградить от страстей, ведущих к тяжким преступлениям. Его таланты, проявлявшиеся в течение долгих лет в самых важных делах, опыт и ум, которые он выказывал в управлении государством и как посланник, снискали ему уважение и доверие граждан и объединили все голоса в выборе его главой республики. Когда он поднялся на высоту, почетно завершавшую его жизнь, ничтожная обида влила в его сердце такой яд, что все его прежние доблести исчезли, и он закончил жизнь позорной смертью предателя. Этот печальный пример показал, что _нет возраста, в котором разум человеческий был бы в безопасности, и что в человеке всегда остаются страсти, которые могут ввергнуть его в позор, если он недостаточно владеет собой_" {Цитируется Байроном на итальянском.}.

Откуда д-р Мур взял, что Марино Фальеро просил пощадить его жизнь? Я справлялся во всех

хрониках и нигде ничего подобного не нашел. Правда только, что он во всем сознался. Его повели на место пытки, но нигде не упоминается о том, что он просил о помиловании; и то обстоятельство, что его пытали, менее всего указывает на недостаточную его твердость; если бы он выказал малодушие, то об этом, наверное, упомянули бы хронисты, которые очень далеки от доброжелательного к нему отношения. Малодушие совершенно не в характере такого воина, так же как и не в характере времени, в которое он жил и в которое он умер, - это обвинение противоречит к тому же исторической правде. Я считаю непростительным клевету на исторические личности, сколько бы ни прошло времени. О мертвых и несчастных следует говорить правду, а на тех, кто умерли на эшафоте, в большинстве случаев из-за своих собственных ошибок, не следует возводить обвинения, совершенно невероятные уже ввиду опасностей, которым они подвергались, совершая поступки, за которые они были приговорены к насильственной смерти. Черное покрывало, нарисованное на месте портрета Марино Фальеро в галерее венецианского Дворца дождей, и лестница Гигантов, где он был коронован, развенчан и обезглавлен, произвели сильное впечатление на мое воображение, так же как его властный характер и странная история. В 1819 году я несколько раз ходил в церковь San Giovanni e San Paolo искать его могилу. Когда я стоял подле усыпальницы другой семьи, ко мне подошел один священник и сказал: "Я могу вам показать более прекрасные памятники, чем этот". Я сказал ему, что ищу гробницу семьи Фальеро, и в частности дожа Марино. "Я вам покажу ее", - сказал он, вывел меня из церкви и указал на саркофаг в стене с неразборчивой надписью. По его словам, гробница эта находилась прежде в прилегающем монастыре, но была изъята оттуда, когда пришли французы, и поставлена на теперешнее место. Он сказал, что присутствовал при открытии могилы, когда переносили останки дожа, и что там осталась груда костей, но ясных признаков обезглавления не было. Конная статуя перед церковью, о которой я упоминаю в третьем акте, изображает не Фальеро, а какого-то другого, забытого теперь воина позднейшего времени. Было еще два других дожа из этой семьи до Марино. Орделафо, павший в 1117 году в битве при Заре (где его потомок впоследствии победил гуннов), и Виталь Фальеро, правивший в 1082 году. Семья эта, родом из Фано, была одна из самых знатных по крови и богатству в городе, самых богатых и до сих пор самых древних семей в Европе. Подробности, которые я привожу, доказывают, насколько меня заинтересовал Фальеро. Удалась ли мне или нет моя трагедия, но, во всяком случае, я передал на английском языке достопамятный исторический факт.

Я задумал эту трагедию четыре года тому назад и, прежде чем изучил в достаточной степени источники, склонен был объяснять заговор ревностью Фальеро. Но, не найдя подтверждения этому в источниках, а также ввиду того, что чувство ревности слишком использовано драматургами, я решил держаться исторической правды. Это советовал мне также покойный Мэтью Льюис, когда я говорил с ним о моем замысле в Венеции в 1817 году. "Если вы изобразите его ревнивцем, - сказал он, - то ведь вам придется соперничать с авторитетными писателями, даже помимо Шекспира, и разрабатывать исчерпанный сюжет. Остановитесь же на историческом характере старого мятежного дожа - он вывезет вас, если вы его очертите как следует, - и постарайтесь соблюдать правильную конструкцию в вашей драме". Сэр Уильям Друммонд дал мне приблизительно такой же совет. Насколько я исполнил их указания и оказались ли мне полезными их советы - об этом не мне судить. Я не имел в виду сцены; положение современного театра не таково, чтобы он давал удовлетворение честолюбию, а я тем более слишком хорошо знаю закулисные условия, чтобы сцена могла когда-либо соблазнить меня. И я не могу представить себе, чтобы человек с горячим характером мог отдать себя на суд театральной публики. Насмехающийся читатель, бранящийся критик и резкие отзывы в прессе - все это бедствия довольно отдаленные и не сразу обрушивающиеся на автора. Но шиканье понимающей или невежественной публики произведению, которое - хорошо ли оно или дурно - стоило автору большого умственного напряжения, - слишком осязательное и непосредственное страдание, усиленное еще сомнениями в компетентности зрителей и сознанием своей неосторожности в выборе их своими судьями. Если бы я смог написать пьесу, которую бы приняли для представления на

сцене, успех не обрадовал бы меня, а неудача сильно бы огорчила. Вот почему, даже когда я состоял несколько времени членом одной театральной дирекции, я никогда не пытался писать для театра и не буду пытаться и впредь. Несомненно, однако, что драматическое творчество существует там, где есть такие силы, как Иоанна Бейли, Милман и Джон Уилсон. "Город чумы" и "Падение Иерусалима" представляют наилучший "материал" для трагедии со времени Гораса Уолпола, за исключением отдельных мест в "Этвальде" и "Де-Монфоре". Стало модным не ценить Гораса Уолпола, во-первых, потому что он был аристократом, а во-вторых, потому что он был джентльменом. Но, не говоря о его несравненных письмах и о "Замке Отранто", он Ultimus Romanorum {Последний римлянин (лат.)}, автор "Таинственной матери", трагедии высшего порядка, а не слезливой любовной драмы. Он - отец первого стихотворного романа и последней трагедии на нашем языке и, несомненно, стоит выше всех современных авторов, кто бы они ни были.

Говоря о моей трагедии "Марино Фальеро", я забыл упомянуть, что хотел, если и не вполне, соблюсти в ней правило единств; во всяком случае, избежать той неправильности, в которой упрекают сочинения для английского театра. Поэтому у меня заговор представлен уже составленным, а дож только примыкает к нему; в действительности же заговор был задуман самим Фальеро и Израэлем Бертуччо. Другие действующие лица (за исключением догарессы), отдельные эпизоды и даже быстрота, с которой совершаются события, вполне соответствуют исторической правде, за исключением того, что все совещания в действительности происходили во дворце. Если бы я и в этом отношении следовал истине, то единство места было бы еще более полным, но мне хотелось представить дожа в кругу всех заговорщиков вместо однообразной передачи его диалогов с одними и теми же лицами.

Желающих ознакомиться с реальными фактами я отсылаю к приложению.

DRAMATIS PERSONAE

МУЖЧИНЫ

Марино Фальеро, дож Венеции.

Бертуччо Фальеро, племянник дожа.

Лиони, патриций и сенатор.

Бенинтенде, председатель Совета Десяти.

Микель Стено, один из трех старшин Совета Сорока.

Израэль Бертуччо, начальник арсенала.

Филиппо Календаро |

Даголино } заговорщики.

Бертрам |

Начальник ночной стражи, "Signore di Notte", один из офицеров

Республики.

Первый гражданин.

Второй гражданин.

Третий гражданин.

Винченцо |

Пьетро } офицеры при Дворце дожа.

Баттиста |

Секретарь Совета Десяти.

Стража, заговорщики, граждане.

Совет Десяти, Джунта и пр.

ЖЕНЩИНЫ

Анджолина, жена дожа.

Марианна, ее подруга.

Служанки и пр.

Венеция, 1355 год.

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Приемная во Дворце дожей.

Пьетро, входя, обращается к Баттисте.

Пьетро

Гонец вернулся?

Баттиста

Нет еще. Его

Я посылал не раз, как вы велели;

Но Синьория слишком затянула

Свой спор по обвиненью Стено.

Пьетро

Слишком!

И дож находит.

Баттиста

Как же неизвестность

Выносит он?

Пьетро

Да так: скрепился, терпит.

Сидит за дожеским столом, над грудой
Дел государственных, прошений, актов,
Депеш, вердиктов, рапортов, доносов,
Как бы в работу погружен. Но только
Услышит скрип открытой где-то двери,
Или подобие шагов далеких,
Иль голоса, глаза он вмиг возводит
И вскакивает с кресла и, помедлив,
Садится вновь, вновь устремляя взор
В бумаги. Но, как наблюдал я, он
За целый час не шевельнул страницы.

Баттиста

Он, говорят, взбешен. И вправду: Стено
Довольно гнусно оскорбил его.

Пьетро

Будь Стено беден - да; но он - патриций,
Он молод, весел, горд и смел...

Баттиста

Не строго,
По-вашему, его осудят?

Пьетро

Хватит,
Коли осудят справедливо. Нам ли
Решенье "Сорока" предвосхищать?

Входит Винченцо.

Баттиста

А вот оно! Что нового, Винченцо?

Винченцо

Суд кончен, но не знаю приговора.

Глава Совета, видел я, печатью

Скреплял пергамент с приговором, дожу

Готовясь отослать, - я и примчался.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Комната дожа.

Марино Фальеро, дож, и его племянник

Бертуччо Фальеро.

Бертуччо

Сомнения нет: признают ваше право.

Дожд

Да; так же как авогадоры. Те

В суд Сорока мою послали просьбу,

Виновного отдав друзьям судить.

Бертуччо

Друзья на оправданье не решатся:

Подобный акт унизил бы их власть.

Дожд

Венеции не знаешь? И Совета?

Но поглядим...

Бертуччо

(к входящему Винченцо)

А, новости! Какие?

Винченцо

Я послан к их высочеству сказать,

Что суд решение вынес и, как только

Закончатся формальности, доставит

Его немедля дожу. А пока

Все Сорок шлют свое почтение князю

Республики и просят не отвергнуть

Их уверенья в преданности.

Дожд

Да!

Почтенье их и преданность известны...

Сказал ты: есть решение?

Винченцо

Да, ваше

Высочество. Глава суда печатью

Скреплял его, когда меня послали;

Чрез миг, не позже, с должным извещеньем

К вам явятся - осведомить и дожа,

И жалобщика, двух в одном лице.

Бертуччо

Не мог ты, наблюдая, угадать

Решение?

Винченцо

Нет, синьор: известна вам

Таинственность судов венецианских.

Бертуччо

О да! Но все ж найти кой в чем намек

Способен быстроглазый наблюдатель:

Спор, шепот, степень важности, с которой

Уходят судьи... Сорок - тоже люди,

Почтеннейшие люди, признаю,

Но мудры пусть они и правосудны

И, как могилы ими осужденных,

Безмолвны - все же по лицу, хотя бы

Того, кто помоложе, взор пыливый,

Такой как твой, Винченцо, мог прочесть бы

И произнесенный приговор.

Винченцо

Но я, синьор, ушел немедля; я

Минутки не имел для наблюденья
За судьями, за видом их. Поскольку
Стоял я рядом с подсудимым Стено,
Я должен был...

Дожд

(перебивая)

А он каков был с виду?

Винченцо

Притихший, но не мрачный; он покорно
Решенья ждал любого... Вот идут,
Несут вердикт на рассмотрение дожд.
Входит секретарь Совета Сорока.

Секретарь

Высокий суд Совета Сорока

Главе чинов венецианских, дожд
Фальеро, шлет почтенье и подносит
Его высочеству на утвержденье
Сентенцию суда по делу Стено,
Патриция; в чем обвинялся он,
Микеле Стено, также чем наказан
Изложено в рескрипте настоящем,
Который честь имею вам вручить.

Дожд

Ступайте; ждите за дверьми.

Секретарь и Винченцо уходят.

Возьми

Бумагу эту. Буквы как в тумане;

От глаз бегут.

Бертуччо

Терпенье, милый дядя!

Что волноваться так? Не сомневайтесь:

По-вашему все будет.

Дожд

Ну, читай.

Бертуччо

(читает)

"Совет постановил единогласно:

Микеле Стено, как признал он сам,

Виновен в том, что в карнавал последний

На троне дожд вырезал такие

Слова..."

Дожд

Ты что? их будешь повторять?

Ты хочешь повторить их, ты, Фальеро?

Повторишь то, что наш позорит род

В лице его главы, кто в ранге дожд,

Межд граждан - первый?.. Приговор прочти!

Бертуччо

Простите, государь; я повинуюсь.

(Читает.)

"Подвергнуть Стено строгому аресту

На месяц".

Дожд

Дальше.

Бертуччо

Это все, мой дожд.

Дожд

Как ты сказал? Все?! Что, я сплю? Неправда!

Дай мне бумагу!

(Читает.)

"Суд постановил

Подвергнуть Стено..."

Поддержи, дай руку...

Бертуччо

Очнитесь, успокойтесь! Гнев бесплоден...

Врача позвать позвольте.

Дожд

Стой, ни шагу.

Прошло...

Бертуччо

Вы правы: наказание слишком

Ничтожно для такого оскорбления,

И чести нет Совету Сорока,

Коль так легко обиду он карает

Постыдную, что князю нанесли

И также - им, как подданным... Но можно

Найти исход: вновь жалобу подать

Совету или вновь авогадорам,

Те, видя нарушение правосудья,

Теперь уж не отклонят вашей просьбы,

Дадут вам торжество над наглецом.

Не правда ли? Но что вы так недвижны?

Я вас молю: послушайте меня!

Дожд

(кидает на пол дожескую тиару и хочет топтать ее,

но, удержанный племянником, восклицает)

О, сарацин! Прорвись к святому Марку

Приму его с почетом!

Бертуччо

Ради бога

И всех святых, мой государь...

Дожд

Уйди!

О, если б генуэзец гавань занял!

О, если б гунн, разбитый мной при Заре,

Бродил вокруг дворца!

Бертуччо

Речь непристойна

Для герцога Венеции.

Дожд

Кто герцог

Венеции? Дай мне его увидеть

И попросить о правосудье!

Бертуччо

Если

Забыли вы свой ранг и долг его

Долг человека вспомните, смирите

Порыв свой. Дожд Венеции...

Дожд

(прерывая)

Такого

Нет! Это - слово! Хуже, - звук, приставка!

Презреннейший, гонимый, жалкий нищий,

Не получив подачки, может хлеба

Искать у сердца добрей. Но тот,

Кто правосудья не нашел в Совете,

Чей долг со злом бороться, тот бедней

Отверженного попрошайки: раб он!

Таков теперь и я, и ты, и род наш

Вот с этих пор. Мастеровой немый

В нас пальцем ткнет: аристократ спесивый

В нас плюнуть может - где защита нам?

Бертуччо

Закон, мой дож...

Дожд

Его дела ты видел!

Просил я лишь защиты у закона,

Взывал не к мести - к помощи закона,

Искал судей, назначенных законом;

Как государь, я к подданным воззвал,

К тем, кто меня избрали государем,

Двойное право дав мне быть таким.

Права избранья, ранга, рода, чести,

Годов, заслуг, седых волос и шрамов,

Трудов, забот, опасностей, усилий

Всю кровь и пот восьмидесяти лет

Я бросил на весы против позора,

Гнуснейшей клеветы, обиды наглой

Патриция ничтожного - все мало!

И я - терпи!

Бертуччо

Я так не говорил;

И если бы второй ваш иск отвергли,

Уладим дело мы иным путем.

Дожд

Вновь иск!.. И ты - сын брата моего?

Ты - отпрыск рода славного Фальеро,

Племянник дожа? Той ли крови ты,

Что трех дала венецианских дожей?

Но прав ты: нам теперь смириться надо.

Бертуччо

Князь мой и дядя! Не волнуйтесь так!

Согласен я: подла обида; подло,

Что не нашла она достойной кары;

Но ваша ярость превышает меру

Любой обиды. Оскорбили нас?

Мы просим правосудья. Нам не дали?

Возьмем! Но будем действовать спокойно:

Месть полная - дочь полной тишины.

Я втрое вас моложе, и люблю я

Наш древний род, чту вас, его главу,

Кто молодость мою берег и нежил;

Но я, ваш гнев и горе разделяя

И негодую с вами, все ж боюсь,

Что ярость ваша, точно вал Адрийский,

Сметя преграды, пеной лишь плеснет.

Дожд

Я говорю... а надо ли?... отец твой

Все понимать умел без объяснений...

Иль ты способен чувствовать лишь боль

Телесную? А где душа? Где гордость?

Где страстность? Где святое чувство чести?

Бертуччо

Сомненье в нем впервые слышу. Всякий

Другой, не вы, и повторить не смог бы!

Дожд

Пойми же всю обиду: хам природный,

Наглец и трус, оправданный мерзавец

Просунул жало в пасквиль ядовитый

И честь, - о боже! - честь моей жены,

Наисвятую долю чести мужа,
Оклеветав, предал молве презренной,
Чернь изощряться будет в грязных толках,
В бесстыдных шутках, в поношеньях гнусных;
А знать, с улыбкой утонченной, сплетню
Распустит, просмакует ложь, в которой
Я - ровня им, любезный рогоносец,
Терпящий... нет, гордящийся позором!

Бертуччо

Но это - ложь; вы знаете, что ложь,
И знают все.

Дожд

Но римлянин сказал:

"Супруги Цезаря и подозренье
Касаться не должно", - и с ней расстался.

Бертуччо

Но в наши дни...

Дожд

Что Цезарь не стерпел,
То стерпит князь Венеции? Дандоло
Отверг венцы всех цезарей, гордясь
Тиарой дожа, той, что растоптал я,
Как опозоренную.

Бертуччо

Это верно.

Дожд

О да!.. Я зла не выместил на бедной
Невинной женщине, столь очерненной
За то, что старца избрала в мужья,
Того, кто другом был ее отцу

И всей семье... Как будто в женском сердце

Есть не любовь, а только вожделье

К безусым шалопаем... Я не мстил ей

За мерзостный навет клеветника;

Я ждал суда страны моей над ним,

Какого вправе ждать любой бедняк,

Кому нужна жены любимой верность,

Кому очаг его семейный дорог,

Кому честь имени ценнее жизни,

Кому дыханье клеветы и лжи

Все это отравило!..

Бертуччо

Но какое

Вас удовлетворило бы возмездье?

Дож

Смерть!.. Разве я - не государь, на троне

Поруганный и сделанный забавой,

Посмешищем для подданных моих?

Как муж не оскорблен я? Не унижен

Как человек? Не осрамлен как дож?

В таком деянье разве не измена

Вплелась в обиду? И преступник - жив!

Да запятнай он надписью такую

Не княжий трон - мужицкую скамью,

Он кровью тут же залил бы порог,

Пронзен ножом крестьянским!..

Бертуччо

Ну, и этот

Не проживет до ночи! Предоставьте

Заботу мне, а сами успокойтесь.

Дожд

Нет, стой, племянник: это было б к месту

Вчера; сейчас - гнев на него утих.

Бертуччо

Как вас понять? Не возросла ли вдвое

Обида с этим подлым приговором?

Он - хуже оправданья: признавая

Вполне вину, он кару устранил.

Дожд

Удвоена обида, но не им!

Назначил суд ему арест на месяц;

Нам подчиниться должно Сорока.

Бертуччо

Им? Позабывшим долг пред государем?

Дожд

Ах, так! Ты понял наконец, мой мальчик:

И гражданин, что правосудья ищет,

И государь, что правый суд вершит,

Обобран я, обоих прав лишенный

(Здесь я и государь и гражданин);

И все же - волоска не тронь у Стено

На голове: носить ее недолго!

Бертуччо

Не дольше суток, если разрешите

Мне действовать... Поверьте, успокоюсь,

Что не мерзавца я хотел щадить,

Хотел, чтоб вы сдержали гнев и ярость

И мы могли бы обсудить вернее,

Как с ним покончить.

Дожд

Нет, пускай живет

Пока... Цена столь низкой жизни - нуль

В минуту эту. В древности одною

Довольствовались жертвой за грехи,

Злодейства ж искупали гекатомбой!

Бертуччо

Закон - желанья ваши; все ж хочу я

Вам доказать, что родовая честь

Моей душе вовеки драгоценна.

Дожд

Не бойся: в должный миг и в должном месте

Докажешь. И не горячись, как я:

Теперь мне стыдно бешенства былого;

Прости меня.

Бертуччо

Вот это дядя мой!

Политик, полководец, повелитель,

Глава страны и государь себе!

Дивился я, что в ваши годы вы

Всю осторожность позабыли в гневе;

Хотя причина...

Дожд

Думай о причине!

Не забывай! Когда уснешь - и то

Пускай она сквозь сон чернеет; утром

Пускай висит меж солнцем и тобою

Зловещим облаком, что в летний день

Грозит веселью. Для меня она

Такая... Но - ни слова, ни движенья;

За дело сам примусь, но дела хватит

И для тебя. Теперь ступай: хочу я

Один побыть.

Бертуччо

(подымая и кладя на стол тиару дожа)

Пока я здесь - молю

Принять убор отвергнутый, покуда

Еще короной он не заменен.

Теперь иду и умоляю вас

Не забывать о верности и долге

Того, кто вам и кровная родня,

И в согражданстве подданный покорный.

(Уходит.)

Дож

(один)

Прощай, мой славный...

(Берет в руки тиару.)

Вздорная игрушка!

В себе тая все тернии короны,

Ты не даришь истерзанному лбу

Всевластного величия монархов.

Презренный раззолоченный пустяк,

Тебя надену маскарадным шлемом.

(Надевает ее.)

Как больно мозгу под тобой! И кровь

Стучит в виски под тяжестью постыдной...

Ужель не станешь диадемой ты?

Ужели у сторукого Сената,

У Бриарея, не сломаю скиптра,

Которым превращен в ничто народ

И в куклу - дож? Я выполнял дела

Ничуть не легче, выполнял для них,
Так отплативших! Что ж, и мы отплатим!
О, год бы только, день бы юных сил,
Когда душе повиновалось тело,
Как верховому благородный конь,
Я б ринулся на них, я без труда
Поверг бы их, патрициев спесивых;
Теперь чужих кругом ищу я рук
На помощь голове седой; она же
Измыслит им не геркулесов подвиг,
А путь полегче. Но теперь в ней хаос
Туманных мыслей; первая работа
Воображенья - вывести на свет
Неявственные образы, чтоб разум
Мог не спеша произвести отбор...
Войск мало...
Входит Винченцо.
Винченцо
Просит гражданин какой-то
У вашего высочества приема.
Дожд
Я болен; никого - будь он патриций
Я не приму. Пусть просьбу шлет в Совет.
Винченцо
Я, государь, так и скажу; и дело
Пустое, видно: он простолюдин;
Сдается мне, он капитан галеры.
Дожд
Что? Говоришь ты: командир галеры?
Так, значит, офицер, я полагаю?

Впусти; возможно, он с казенным делом.

Винченцо уходит.

Дожд

Повыпытать кой-что у капитана!..

В народе, знаю, ропот с той поры,

Как нас под Сапиенцей гинуэзцы

Разбили; с той поры, как стал народ

В стране нулем, а в городе - похуже:

Машиною для угожденья знати

В ее патрицианских наслажденьях.

Войскам давно, наобещав, не платят;

Солдаты ропщут; намекни - восстанут,

Чтоб грабежом свое добро добыть.

Священники... На них не положусь я:

Они меня не терпят с той поры,

Как я, осатанев от нетерпенья,

Нанес удар епископу в Тревизо,

Чтоб он ускорил шествие; и все же

Привлечь их надо; я задобрю папу

Уступкой своевременной. Но должно

Мне торопиться: в мой закатный час

Для жизни света остается мало.

Снять гнет с народа, отомстить обиду

И хватит, пожил; в тот же миг охотно

Усну меж предков. А не выйдет - лучше б

Три четверти моих восьми десятков

Провел я там, где вскоре - и неважно

Когда - погаснет все. Так лучше было б:

Тогда бы мне не угрожало стать

Игрушкою архитиранов этих...

Размыслим: здесь из наших войск наличных

Три тысячи; стоят...

Входят Винченцо и Израэль Бертуччо

Винченцо

Простите, ваше

Высочество: вот капитан, просивший

Вниманья вашего.

Дожд

Ступай, Винченцо.

Винченцо уходит.

Сюда, синьор. Что просите?

Израэль

Защиты.

Дожд

А у кого?

Израэль

У бога и у дождя.

Дожд

Увы, мой друг! У этой пары мало

В Венеции почета и влиянья.

В Совет ступайте.

Израэль

Это бесполезно:

Обидчик мой - сам член Совета.

Дожд

Вижу

Кровь на лице у вас; откуда это?

Израэль

Моя! За честь Венеции не раз я

Лил кровь. Но от руки венецианца

Впервые. Бил патриций.

Дож

Жив?

Израэль

Недолго б

Он жил, не будь в моей душе надежды,

Что вы, мой дож, сам воин, оградите

Того, кому закон и дисциплина

Связали руки. Если же не так

Умолкну я.

Дож

Но действовать начнете?

Не правда ли?

Израэль

Я - человек, мой дож.

Дож

И ваш обидчик - тоже.

Израэль

Да, по кличке:

В Венеции ж он - больше; он - патриций.

Он поступил со мною, с человеком,

Как со скотом; но скот взбеситься может;

И червь кусается.

Дож

Кто ваш обидчик?

Израэль

Барбаро.

Дож

А причина или повод?

Израэль

По службе я начальник арсенала,
Там чинятся галеры: прошлый год
От генуэзцев им досталось. Нынче
Влетел ко мне Барбаро именитый,
Ругаясь, что рабочие мои,
Казенным заняты делом, смели
В его дому чего-то не доделать.
Вступился я. И он - кулак свой поднял!..
Вот кровь, глядите! Пролилась впервые
Она без чести...

Дождь

Вы давно на службе?

Израэль

Настолько, что осаду Зары помню,
Где дрался я, где гуннов бил мой вождь,
Мой генерал, теперь мой дождь, Фальеро.

Дождь

Так мы товарищи?.. Я в платье дождя
Недавно; видно, в арсенал назначен
Ты до меня, я в Риме был, конечно,
Тебя не мог узнать я. Кто назначил?

Израэль

Последний дождь. Мне званье капитана
Сохранено, а новый пост мне дан
В награду за бесчисленные шрамы
(Как соизволил он сказать). Кто б думал,
Что эта милость приведет меня
Беспомощным истцом к другому дождю
И по такому делу!..

Дождь

Сильно ранен?

Израэль

Неизлечимо в отношении чести.

Дожд

Скажи, не бойся: уязвленный в сердце,

Какого б ты искал врагу возмездья?

Израэль

Назвать не смею, но добьюсь его.

Дожд

Чего же здесь ты ищешь?

Израэль

Правосудья.

Мой генерал стал дождем и не будет

Глядеть, как топчут старого солдата.

Сиди на троне дождя не Фальеро,

Я эту кровь другой бы кровью смыл.

Дожд

Ты правосудья ищешь у _меня_!

Его не в силах дожд венецианский

Ни дать, ни получить: лишь час назад

Торжественно мне отказали в нем.

Израэль

Как так, мой дожд?

Дожд

Приговорили Стено

В тюрьму, на месяц.

Израэль

Как? Того, кто смел

Ваш трон испачкать грязными словами,

Чья срамота для всех ушей ясна?

Дождь

Видать, и в арсенал дошел их отзвук,
В лад молоткам звуча добротной шуткой
Мастеровых или припевом к скрипу
Галерных весел в песне площадной
Любого каторжника, кто ликует,
Строфой веселой тешась, что не он
Дождь осрамленный, глупый старикашка!

Израэль

Возможно ль? Месячный арест, и только!

Для Стено!

Дождь

Ты слышал про оскорбленье;
Теперь ты знаешь кару. У _меня_ ли
Искать защиты? К Сорока ступай.
Они, как видишь, Стено покарал,
Осудят, несомненно, и Барбаро.

Израэль

Ах, если б я посмел открыть вам чувства!..

Дождь

Открой: меня уж оскорбить нельзя.

Израэль

Так вот: одно скажите слово - и
Свершится месть! Не за мою обиду
Пустую, за удар, хотя и подлый.
Ведь я ничто, - за низкое бесчестье,
Что _вы_ как дождь и воин понесли.

Дождь

Ты слишком пылок: власть моя - декорум;
Тиара - не корона; а наряд мой

"Пробудит жалость, как тряпье бродяги;

Нет, больше: у того _свои_ лохмотья,

А это - марионетке одолжили,

Вся власть которой - этот горностаи.

Израэль

Ты стал бы королем?

Дож

Да - у народа

Счастливого.

Израэль

Ты хочешь стать монархом

Венеции?

Дож

Да, разделив державу

С народом, чтоб вовек не быть рабами

Разросшейся патрицианской гидры,

Чьи головы с отравленного тела

На всех нас дышат ядом и чумой!

Израэль

Ты сам патриций родом и карьерой...

Дож

Не в добрый час родясь! Мое рождение

Стать помогло мне дожем - для обид;

А жизнь провел я как солдат, служа

Стране с ее народом, не Сенату,

Лишь в благе их награду чести видя.

В боях лил кровь я; войско вел к победам;

Вершил и рушил мир в посольствах частых,

Всем пользуясь для выгоды страны;

Я шесть десятков лет моря и земли

Браздил, на пользу родины трудясь
Венеции, - и, видя издалека
Ее шпили над синевой лагуны,
Я счастлив был, что вновь я вижу их!
Но не для кучки малой, не для секты,
Не для сословья лил я кровь и пот.
Зачем - ты хочешь знать? У пеликана
Спроси, зачем он истекает кровью,
Грудь растерзав? Владей он речью, он бы
Ответил так: "Для всех моих птенцов!"

Израэль

Но знать взвела тебя на трон.

Дожд

Взвела!

Я не просил. Я в цепи золотые
Попал, с посольством воротясь из Рима.
Не отклонял я прежде никакой
Работы или службы государству
И нынче, старец, не отверг поста,
По виду столь высокого, на деле ж
Презренного, коль тягости учеть.
Что это так, ты сам, мой бедный, видишь.
Коль нам с тобой защиты нет во мне.

Израэль

Обоим есть она, лишь пожелайте,
И тысячам таких же угнетенных,
Сигнала ждущих. Дать его согласны?

Дожд

Что за загадки?

Израэль

Их, рискуя жизнью,
Я разъясню; но удостойте слушать
Внимательно.
Дожд
Я слушаю.
Израэль
Не только
Я или вы гнет унижений терпим,
Не нас одних ногами топчут: стонет
Весь наш народ, обиды осознав.
Наемные войска сплошь недовольны:
Им жалованье задержал Сенат;
И наши моряки и ополченцы
С друзьями плачут: мало кто найдется,
Чьи брат, отец, дитя, жена, сестра
Не стали жертвой гнусного насилия
Патрициев. А вечная война
С далекой Генуей, питаясь кровью
Плебеев нищих, золотом, что жмут
Из их прибытков, их не бесит разве?
Еще теперь... Но я забыл: быть может,
Я, все сказав, обрек себя на смерть?
Дожд
Так исстрадавшись ты боишься смерти?
Тогда молчи; живи, снося побои
Тех, за кого ты пролил кровь.
Израэль
О нет,
Скажу я все, что б ни было! Но если
Венецианский дожд - доносчик, стыд

И срам ему! Он потеряет больше,
Чем я.

Дожд

Меня не бойся. Продолжай.

Израэль

Так знай, что есть скрепленный клятвой тайной

Союз друзей, отважных, верных братьев,

Изведавших все беды и о судьбах

Венеции скорбящих. И по праву:

Они служили ей во всех краях

И, разгромив врагов иноплеменных,

От внутренних ее хотят спасти.

Немного нас, но и не слишком мало

Для славной цели. Есть оружие, средства,

Надежда, храбрость, вера и терпенье.

Дожд

Чего вы ждете?

Израэль

Часа, чтобы грянуть.

Дожд

(в сторону)

Он с колокольни Марка грянет - час!..

Израэль

Вот: жизнь моя, и честь, и все надежды

В твоих руках, но твердо убежден я,

Что если общи корни у обид,

То общей быть должна и месть. Коль прав я,

Будь нам теперь вождем, потом - монархом.

Дожд

А сколько вас?

Израэль

Сначала ты ответь,

А после я.

Дож

Вы что, синьор? Грозите?

Израэль

Нет, заявляю. Сам себя я предал;

Но в тайниках дворцовых и подвалах,

В ужасных клетках "под свинцовой кровлей"

Нет пыток тех, которые могли бы

Хоть слово, слово вырвать у меня!

"Колодцы" ваши и "свинцы" бессильны;

Кровь у меня там выжмут, не измену;

По Мосту вздохов страшному пройду,

Ликуя, что последний стон мой будет

Последним эхо над волною Стикса,

Текущего меж палачом и жертвой,

Между темницей и дворцом... Найдутся

Живые - думать обо мне и мстить!

Дож

С такими планами и властью - что же

Ты о защите просишь? Сам добиться

Ты можешь правды.

Израэль

Объясню я: тот,

Кто просит покровительства у власти,

Тем проявив доверье и покорность,

Едва ли будет заподозрен в тайных

Намереньях разрушить эту власть.

Когда б смиренно я стерпел побои,

То вид угрюмый мой и брань сквозь зубы

Приметили б шпионы Сорока.

А с громкой жалобой, хотя б и резкой

По выраженьям, я ничуть не страшен,

Не подозрителен. Но, впрочем, есть

Еще причина...

Дожд

Именно?

Израэль

Я слышал,

Что дожд безмерно возмущен решением

Авогадоров, передавших дело

Микеле Стено на разбор в Совет.

Я вам служил, я чту вас - и глубоко

Почувствовал, какая в той обиде

Опасность: вы из тех людей, кто платит

Сторицей за добро и зло. Решил я

Проверить вас и к мести подстрекнуть.

Я все сказал. Что я не лгу - поручкой

Мой риск.

Дожд

Ты, правда, многим рисковал;

Но так и надо - ради крупной ставки.

Скажу одно: твоей не выдам тайны.

Израэль

И это все?

Дожд

Не зная дела глубже,

Что я отвечу?

Израэль

Думаю, что можно

Довериться тому, кто жизнь доверил.

Дожд

В чем план ваш, кто вы, сколько вас - я должен

Узнать; число удвоить можно, план же

Точней продумать.

Израэль

Нас уже довольно;

В союзники нам нужно только вас.

Дожд

Но хоть вождей представь мне.

Израэль

Я представлю,

Лишь клятву получив в залог за тайну,

Которую мы вам в залог дадим.

Дожд

Когда и где?

Израэль

Сюда, сегодня ночью,

Двух привести могу я главарей;

Опасно больше.

Дожд

Стой; подумать нужно.

А если я приду к вам из дворца,

Доверясь вам?

Израэль

Извольте, но - один.

Дожд

С племянником.

Израэль

Ни с кем! Ни даже с сыном!

Дожд

Зверь! Сына смел назвать! Под Сапиенцей

За родину коварную он пал!..

О, будь он жив, а я в гробу! Иль лучше

Воскресни он, пока не стал я прахом!

На помощь я не звал бы незнакомцев

Сомнительных!..

Израэль

Но эти незнакомцы

Все на тебя глядят с сыновним чувством,

И сам ты им доверься, как отец!

Дожд

Ну, жребий брошен!.. Где назначим встречу?

Израэль

Я в полночь, в маске, буду там, где ваше

Высочество велите ждать мне вас,

Оттуда мы пройдем в другое место,

Где вам присягу принесут и вы

О наших планах выскажетесь.

Дожд

Поздно.

Израэль

Луна восходит?

Да, но небо тускло,

Мгла, пыль: сирокко дует.

Дожд

Значит, в полночь

Близ церкви, где мои почуют предки,

Ты знаешь церковь Иоанна-Павла

Апостолов; вблизи, в канале узком,

Найдешь одновесельную гондолу.

Жди там.

Израэль

Я буду там.

Дожд

Теперь ступай.

Израэль

Уверен я, что герцог не отступит

В решенье славном. Я иду, мой дожд.

(Уходит.)

Дожд

Так: в полночь к церкви Иоанна-Павла,

К могилам предков честных я приду...

Зачем?! Держать ночной совет с кружком

Смутьянов низких, главарей крамолы.

И деды не покинут ли гробницу,

Где, до меня, легли уже два дожд,

Чтоб к ним столкнуть меня? Ах, если б так!

Меж чистыми и я почил бы чистым!

Увы! Не к ним - к другим лечу я мыслью,

Мне имя запятнавшим - то, что славой

Равно с любым из консульских имен

На римских мраморах! Но древний блеск

Ему верну в анналах я - всем подлым

В Венеции с восторгом отомстив

И дав другим свободу! Или черным

Его оставлю клевете веков,

Что вечно беспощадны к побежденным

И Цезаря и Катилину мерят,

Взяв пробным камнем доблести - успех!

АКТ ВТОРОЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Комната во Дворце дождей.

Анджолина (жена дожа) и Марианна.

Анджолина

И дож ответил?..

Марианна

Что он срочно вызван

На заседание. Но оно, должно быть,

Закончено: я видела недавно

Сенаторов, садившихся в гондолы;

Да вон последняя из них скользит

Меж барками, столпившимися тесно

В сверканье вод.

Анджолина

О, если б он вернулся!

Он очень был расстроен в эти дни;

Года, безвластные над гордым духом,

Не властны даже и над плотью смертной,

Что, кажется, в душе находит пищу,

В душе столь быстрой и живой, что вряд ли

Прах послабее вынес бы. Но годы

Не властны и над горем, над обидой.

Обычно у людей его закала

Гнев и тоска при первой страстной вспышке

Развеиваются, а в нем навеки

Все остается. Мысли, чувства, страсти,

Дурные и хорошие, ничуть

Не дышат старостью. На лбу открытом

Рубцы раздумий - мысли многолетней,
Не дряхлости. В последние же дни
Как никогда взволнован он. Скорей бы
Он возвращался! Я одна умею
Влиять на дух его смятенный.

Марианна

Верно.

Его высочество разгневан страшно
Бесстыдством Стено, что вполне понятно.
Но нет сомненья, что уже обидчик
Приговорен за свой поступок наглый
К суровой каре - и отныне будет
Честь женщины и знатность крови чтить!

Анджолина

Да, оскорбленье тяжко; но меня
Не клевета, столь грубая, тревожит,
А потрясенье, вызванное этим
В душе Фальеро, пламенной и гордой,
И строгой... да, ко всем, за исключением
Одной меня. И я дрожу при мысли
О том, что будет.

Марианна

Несомненно, дож
Подозревать не может вас.

Анджолина

Меня?!

И Стено не дерзнул! Когда, пробравшись
Как вор, в мерцанье лунном он на троне
Ложь нацарапывал свою, то совесть
Его терзала, тени на стенах

Стыдились клеветы его трусливой!

Марианна

Его бы круто проучить!

Анджолина

Проучен.

Марианна

Как? Есть уже решение? Осудили?

Анджолина

Я знаю то, что он изобличен.

Марианна

И в этом все возмездье для мерзавца?

Анджолина

Мне трудно быть судьей в своем же деле

И угадать, какою карой можно

Воздействовать на дух развратный Стено;

Но если суд не глубже потрясен,

Чем я, презренной клеветою этой

Виновного отпустят на свободу

Влачить свое бесстыдство или стыд.

Марианна

А жертва за поруганную честь?

Анджолина

Та честь плоха, которой нужны жертвы,

Которая зависит от молвы.

"Она лишь имя", - римлянин пред смертью

Сказал; и верно, если шепот может

Ее создать и погубить.

Марианна

Но сколько

Вернейших жен глубоко б оскорбились

Таким злословьем! Дамы ж подступней

(В Венеции их много) завопили б,

Неумолимо требуя суда!

Анджолина

Они бы этим доказали только,

Что слово ценят, а не свойство. Первым

Не так легко сбересть невинность, если

Ей нужен ореол; а потерявшим

Лишь видимость невинности нужна,

Как нужны украшения и наряды,

А не сама она; им важно мнение,

Им хочется, чтоб верили в их честь,

Как хочется красивыми казаться.

Марианна

Для знатной дамы странны эти мысли.

Анджолина

Их мне отец внушил; они да имя

Вот все наследство.

Марианна

Нужно ль вам наследство

Жене главы Республики и князя?

Анджолина

Будь я за мужиком - и то другого б

Я не ждала, полна к отцу любовью

И благодарностью за то, что руку

Мою он отдал другу своему

Старинному - Валь-ди-Марино графу

И ныне - дожу.

Марианна

Руку - но и сердце?

Анджолина

Одно не отдается без другого.

Марианна

Но столь большая разница в летах

И - доскажу - в характерах несходство

Сомненье вызывают в людях: вправду ль

Такой разумен брак и счастье прочно?

Анджолина

По людям люди судят; я же сердцем

Покорна долгу; он многообразен,

Но не тяжел.

Марианна

Вы любите Фальеро?

Анджолина

Все то люблю я, что любви достойно

И благородно. Я отца любила:

Он научил меня распознавать,

Что следует любить и как беречь

Порывы лучшие природы нашей

От низкой страсти. Руку он мою

Фальеро отдал, зная, что он храбр,

Великодушен, благороден - истый

Солдат, и гражданин, и друг. Все это

В нем есть - отец был прав. А недостатки

В нем те, что свойственны высоким душам,

Повелевать привыкшим. Горд он очень;

В нем пыл страстей неукротимых - плод

Патрицианства и тревожной жизни

Политика и война. В нем остро

И чувство чести; в должных рамках это

Достоинство, а вне границ - порок;
И этого боюсь я в нем. Он крайне
Был вспыльчив прежде; этот недостаток
Настолько был обуздан благородством,
Что робкая Республика вручала
Ему всегда важнейший пост - от первых
Боев и до последнего посольства,
Откуда к нам вернулся дожем он.

Марианна

А прежде брака - неужели сердце
Для юного красавца не забилося
Ни разу, для того, кто парой стал бы
Красавице, как вы? Ни разу после
Не встретился такой, кому могла бы
Дочь Лоредано, будь она свободна,
Женою стать?

Анджолина

На первый ваш вопрос
Ответ - мой брак.

Марианна

А на второй?

Анджолина

Не нужен

Ответ.

Марианна

Прошу простить; не обижайтесь.

Анджолина

Я не в обиде, я удивлена:

Как может сердце, связанное браком,
Гадать, кого б оно _теперь_ избрало,

Забыть свой первый выбор?

Марианна

Первый выбор

Как раз внушает мысль порой, что можно б

Разумней выбрать, воротись былое.

Анджолина

Возможно. Мне такие мысли чужды.

Марианна

Смотрите: дож. Уйти мне?

Анджолина

Да, пожалуй,

Так лучше; он, по-видимому, в мысли

Ушел глубоко... Так задумчив он!

Марианна уходит. Входит дож и Пьетро.

Дож

(в раздумье)

Есть в арсенале некий Календаро

Филиппо; восемьдесят человек

В его команде, и большим влияньем

На них он пользуется. Он, я слышал,

Смел, дерзок и отважен; популярен

И сдержан в то же время. Хорошо бы

Его привлечь. Почти уверен я,

Что Израэль Бертуччо сделал это,

Но следует...

Пьетро

Простите, государь,

Что вас я прерываю; но сенатор

Бертуччо, ваш племянник, поручил мне

Соизволенья попросить у вас,

Ему назначить время для беседы.

Дожд

Пусть на закате... стой: соображу...

Нет; передай, - в два ночи.

Пьетро уходит.

Анджолина

Государь мой!

Дожд

Прости, родная! Что ж не подошла ты,

Дитя мое? Тебя я не заметил.

Анджолина

Вы размышляли. И притом ушедший

Ваш офицер, возможно, с важной вестью

Явился от Сената.

Дожд

От Сената?

Анджолина

Как мне мешать посланцу и Сенату?

Они вам служат.

Дожд

Мне - Сенат?! Ошибка!

Ведь это мы Сенату служим все.

Анджолина

Венецией не герцог разве правит?

Дожд

Он будет править. Но оставим. Темы

Есть веселей. Как чувствуешь себя?

Гуляла? Нынче пасмурно, но тихо;

Веслом легко работать гондольеру.

Или подруг ты принимала? Или

За музыкой все утро провела
Одна? Скажи: чего бы ты хотела,
Что дать еще способен дож безвластный?
Немного блеска? Развлечений скромных
На людях или дома? Сердцу скрасить
Унынье дней, потраченных на мужа,
Столь старого и занятого столь.
Скажи - все будет.

Анджолина

Вы всегда добры;
Но нечего просить мне и желать
Лишь видеть вас почаще и - спокойным.

Дождь

Спокойным?

Анджолина

Да, мой добрый дождь! Зачем вы,
Всех сторонясь, блуждаете один?
У вас на лбу печать суровой думы,
И если разгадать ее нельзя,
То все же видно...

Дождь

Все же видно? Что же?

Что видно в ней?

Анджолина

Что сердце неспокойно.

Дождь

Но это вздор, дитя! Забот вседневных,
Ты знаешь, очень много у того,
Кто правит шатким этим государством.
Нам Генуя грозит извне; внутри

Есть недовольство; вот я и задумчив,

И менее спокоен, чем всегда.

Анджолина

Но эти же причины были прежде,

А были вы тогда не тот, что нынче.

Простите мне, но в сердце вашем тяжесть

Иная, чем заботы о стране.

Для опыта и дарований ваших

Легки заботы; нет - необходимы,

Ум охраняя от застоя. Вас ли

Взволнуют вражьи козни и опасность?

Вас, кто вовек пред бурей не склонялся,

Кто восходил, ни разу не споткнувшись,

К вершинам власти - и достиг вершин,

И, стоя там, глядел спокойно в бездны,

Не ощущая головокруженья?!

Пусть в порт ворвется генуэзский флот

Или мятеж плеснет на площадь Марка

Не дрогнете. А если пасть придется,

То - как и перед битвой - с ясным лбом!

Теперь - другого рода ваши чувства;

Страдает гордость, не патриотизм.

Дожд

Увы! Я гордость утерял: лишили!

Анджолина

Да, гордость - грех, что ангелов низверг.

Ему всех легче поддается смертный,

Кто с ангелами схож природой духа:

Тщеславен низкий; лишь великий горд.

Дожд

Был гордым я _твоею_ честью, гордость

Храня в душе. Но - перестань об этом.

Анджолина

Ах нет! Всегда деля со мною радость,

Позвольте мне участвовать и в ваших

Печалях. Я ведь никогда ни слова

О ваших государственных делах

Не спрашивала. Не теперь, я знаю,

У вас тревога алчная. Позвольте ж

Мне облегчить иль разделить ее.

С тех пор как Стено вам злословьем глупым

Смутил покой, вы крайне изменились;

Хочу смягчить вас, чтоб вы стали прежним.

Дожд

Стал прежним?! Знаешь приговор для Стено?

Анджолина

Нет.

Дожд

Под арест на месяц.

Анджолина

Разве мало?

Дожд

Не мало! для галерника, кто спяну

Под плетью на хозяина ворчит;

Но не для хама, кто с расчетом мерзким

Пятнает честь и женщины и князя,

И где? на троне! на твердыне власти!

Анджолина

По-моему, довольно, что патриций

Изобличен во лжи и клевете;

Потеря чести - хуже наказания.

Дожд

Но у таких нет чести! Только жизнь

Презренная? Но суд не отнял жизни!

Анджolina

Не смерти ж вы хотите за обиду.

Дожд

О нет - _теперь_; пускай живет, покуда

Он _жив_; на смерть утратил он права!

Его прощенье - приговор для судей:

Теперь он чист, вина легла - на них.

Анджolina

О, поплатись безумный этот лгун

За вздорный пасквиль кровью молодою

Душа моя ни радости не знала б,

Ни сна без тяжких сновидений.

Дожд

Разве

Суд неба не назначил кровь за кровь?

А клеветник - он более убийца,

Чем льющий кровь. _Боль_ или _позор_ удара

Смертельной ранит чувство человека?

Людской закон за честь не кровью ль платит,

И не за честь - за меньшее, за деньги?

Кровь за измену - не закон ли наций?

Ужель ничто - наполнить ядом жилы,

Где кровь текла здоровая? Ничто

Тебе и мне обрызгать грязью имя

Столь чистое? Ничто - унижить князя

Перед лицом народа? Уронить

Почтенье то, с каким взирают люди
На юность женщин и мужскую старость?
На вашу честь и наше благородство?
Об этом пусть бы кроткий суд подумал!

Анджолина

Бог нам велит прощать своих врагов.

Дожд

А бог _своих_ простил? Не проклял разве

Он сатану?

Анджолина

Не нужно слов безумных!

Господь равно простит и вас, и ваших

Врагов.

Дожд

Аминь! Прости им бог.

Анджолина

А вы?

Дожд

И я, когда на небе встречусь.

Анджолина

Только?

Дожд

Что им мое прощенье? Дряхлый старец;

Унижен, презрен, высмеян... Что им

Мое прощенье или гнев мой? Оба

Равно ничтожны... Слишком долго жил я...

Но бросим это... Ах, дитя мое!

Дочь Лоредано храброго, жена

Моя обиженная! Ах, не думал

Отец твой, дочь за друга выдавая,

Что сраму предает ее! Увы!

Срам без вины, срам - беспорочный! Если б

Твоим супругом был другой, _любой_,

Не дож венецианский, - эта мерзость,

Позор и грязь не пали б на тебя!

Столь юной быть, прекрасной, доброй, чистой

И так страдать! И мщенья не найти!

Анджолина

Но я отомщена любовью вашей,

Доверьем, уваженьем. Знают все,

Что чисты вы, что я верна. Чего ж мне

Еще желать, вам - требовать?

Дожд

Могло бы

Все лучше быть. Но, что бы ни случилось,

Останься доброй к памяти моей.

Анджолина

К чему вы это говорите?

Дожд

Так...

Твое, коль не людское, уваженье

Хочу хранить и мертвый, как живой.

Анджолина

Что за сомненья? Разве я не чту вас?

Дожд

Поди сюда и выслушай, дитя.

Отец твой был мне друг. Случайно стал он

Обязан мне за некие услуги,

Скрепляющие дружбу честных. После,

На смертном ложе, нашего союза

Он пожелал - но вовсе не платя мне:
Со мной давно расчелся дружбой он.
Нет! Красоте твоей осиротелой
Хотел он дать убежище от бед,
Что здесь, в гнезде порока скорпионьем,
Бездомной бесприданнице грозят.
Не стал я спорить, ибо с этой мыслью
Встречал он легче свой последний миг.
Анджолина
Мне не забыть вопрос ваш благородный,
Не чувствую ли в юном сердце склонность
К другому, с кем счастливей быть могла б;
А предложенье ваше о приданом,
Завидном для любой венецианки?
А ваш отказ от прав, отцом врученных?
Дожд
Да, не был то каприз безумный старца,
Порыв обманный дряхлого желанья,
Алкающего красоты девичьей,
Невесты юной. Страсти я смирял
И в молодости огненной; и старость
Не пожрана проказой сладострастья,
Пятнающей седины у развратных,
Веля им пить последние подонки
Восторгов, изменивших им давно,
Иль покупать себе жену-рабыню,
Бессильную отвергнуть эту честь,
Но чувствующую себя несчастной.
Наш брак иной: тебе свободный выбор
Я предоставил; ты же - подтвердила

Отцовский.

Анджолина

Да! И подтвердила б так же

Пред небом и землей! И не пришлось мне

Жалеть себя; но вас порою - да:

При виде ваших горестей последних.

Дож

Я знал, что я с тобой суров не буду;

Я знал, что мне тебя томить недолго;

Что скоро дочь любимого мной друга,

Достойная отца - умна, богата,

В расцвете полном женственности, будет

Свободна вновь для выбора, пройдя

Чрез годы испытанья умудренной.

Наследовав мой титул и богатства,

Ценой епитимьи не очень долгой

Со старым мужем, не боясь ни кляуз

Судейских, ни завистливой родни,

Она, дочь друга старого, сумеет

Найти того, кто по годам ей ближе,

А верным сердцем предан так, как я.

Анджолина

Мой государь! Я лишь отцовской воле,

Его предсмертным словом освященной,

Да сердцу внемлю, выполняя долг

И верностью супругу отвечая.

Надежд надменных я чужда; приди он,

Ваш смертный час, - я это докажу.

Дож

Я верю, зная искренность твою...

Любовь же из романов я считал
И в юности иллюзией - непрочной
И часто роковой. Я в самых страстных
Моих годах приманки в ней не видел,
Коль есть любовь такая, - и не вижу.
Но уваженье, нежное вниманье,
Забота о твоём благополучье,
Уступчивость желаниям невинным,
Содействие достоинствам, незримый
Надзор за недостатками пустыми,
Что юности присущи, - осторожный,
Не резкий, чтобы, исправляясь, ты
Самой себе приписывала выбор;
Доверье, дружба, ласковость и гордость
Не красотой твоей, а поведением,
Любовь отца, а не безумье страсти
Вот чем я думал заслужить твою
Привязанность.

Анджолина

Она всегда была.

Дождь

Да, верно. Видя разницу в годах,
Ты все ж меня избрала. Верил я
Отнюдь не внутренним моим иль внешним
Достоинствам, - я им не доверял бы
И в двадцать пять, не в восемьдесят лет,
Я верил чистой крови Лоредано,
В тебе текущей, и твоей душе,
Творенью бога, истинам отцовским,
Усвоенным тобою, вере, чести

И честности - им верил как своим!

Анджолина

Вы были правы; я вам благодарна

За эту веру: с ней все больше крепнет

Почтенье к вам.

Дож

Где чувство чести есть

Врожденное и с детства развитое,

Там брак - скала; где нет его - где мысли

Приманок ищут, жажда удовольствий

Ничтожных гложет сердце или похоть

В нем корчится, - я знаю хорошо:

Там нечего мечтать о чистом чувстве;

Нет чистоты, коль кровь заражена.

Хотя бы муж всем отвечал желаньям;

Будь он мечтой поэта воплощенной

Иль в мраморе изваянной красой,

Будь полубогом, будь Алкидом в полном

Величье мужественности - бесплодно:

Пустое сердце не привяжет он.

Лишь добродетель созидает браки:

Изменчив грех, невинность неизменна.

Одно паденье - навсегда паденье:

Разнообразья ждет порок, но солнцем

Стоит невинность жизнь, и свет, и славу

Даруя всем, кто на нее глядит.

Анджолина

Так чутко, зорко разбираясь в людях,

Зачем, простите, весь вы отдаетесь

Ужаснейшей из роковых страстей,

Смущая мысли ненавистью стойкой

К ничтожнейшему Стено?

Дожд

Ты ошиблась.

Я возмущен не Стено; если б им

Давно бы он... Но нет, оставим это.

Анджолина

Но что же так волнует вас теперь?

Дожд

Венеции поруганная слава,

Где попраны закон и государь.

Анджолина

Ах, но зачем смотреть на дело так?

Дожд

Не так смотрел я до тех пор. Позволь

Договорить мне... Взвесив это все,

Женился я. Никто не осудил

Намерений моих: мой образ действий

Их оправдал, а твой - был выше всяких

Похвал. Я и родня тебя дарили

Свободой, уваженьем и доверьем.

Дочь рода, нам дававшего князей,

Свергавшего чужих князей, была ты

Вполне достойна первой стать из дам

Венеции.

Анджолина

К чему ведете вы?

Дожд

К тому, что негодяйдохнул заразой

На это все, - разнузданный тот хам,

Кого средь пира вывести велел я
За безобразье, чтобы впредь умел
Себя вести он в герцогских покаях!
И негодяй на стенке след оставил
Зловредный яд обугленного сердца,
И тот разлился общею отравой,
И честь жены и мужа в гнусной шутке
Трепали все! И дважды негодяй
(Кто оскорбил уже девичью скромность
Бесстыдством в отношенье свиты юной
Твоей - в присутствии знатнейших дам)
За то, что был - и по заслугам - выгнан,
Мстит, очернив супругу суверена,
И правый суд его друзей не видит,
В чем тут вина!

Анджолина

Но ведь ему - тюрьма.

Дожд

Тюрьма таким - замена оправданья,
А он отбудет смехотворный срок
В своем дворце. Но с ним покончил я.
Теперь с тобой.

Анджолина

Со мной, мой государь?

Дожд

Да, Анджолина. Ты не удивляйся:
Я медлил с этой тягостью, но чую:
Мне жить недолго. Надо, чтобы ты
Усвоила наказ мой; в этом свитке
Найдешь его.

(Вручает ей бумагу.)

Не бойся: все на пользу

Тебе. Потом, в удобный час, прочтешь.

Анджолина

Мой государь! Живым и мертвым вас

Я буду чтить. Но пусть подольше делятся

Дни ваши - и счастливей, чем теперь!

Гнев стихнет, вновь вы станете спокойным,

Каким вам должно быть, каким вы были.

Дожд

Я стану тем, кем должен, - иль ничем!

В те дни или часы, что остаются

Для оскверненной старости Фальеро,

Не озарится благостным покоем

Его закат! И отсветы былого,

Небесполезной, небесславной жизни,

Смягчающие приближенья ночи,

Мой смертный час уже не усладят.

Чего желать мне? Лишь оценки должной

Всей крови той, и пота, и трудов

Душевных, мной затраченных во славу

Моей страны. Ее слугой - слугой,

Хоть я и вождь, - сойти к моим отцам

Хотел я с именем таким же светлым,

Как и у них. Мне отказали в этом!

Погибнуть бы под Зарой!

Анджолина

Там спасли вы

Страну. Живите - и спасете вновь.

Второй подобный день ей будет лучшим

Упреком и - отмщением для вас.

Дожд

Подобный день бывает раз в сто лет;

Немногим меньше прожил я; фортуне

Достаточно однажды мне послать

То, что она дарит любимцам редким

В немногих странах, и не каждый год.

Но что болтать? Венеция забыла

День тот и мне пора забыть. Прощай,

Голубка Анджолина: в кабинете

Ждет много дела, а часы бегут.

Анджолина

Но помните, кем были вы.

Дожд

Не стоит!

Припомнив радость - радость не продолжишь,

А вспомнив горе - воскресишь его.

Анджолина

Еще: как вы ни заняты, молю вас

Для отдыха минуту отыскать,

Вы так тревожно в эти ночи спали,

Что вас - нередко я будить хотела,

Но не решалась, веря, что природа

Осилит мысли, мучившие вас.

Час отдохнув, к работе вы вернетесь

Со свежей силой, с ясной головой.

Дожд

Спать не могу я - и нельзя, хоть мог бы;

Как никогда быть начеку я должен.

Но - несколько еще ночей бессонных,

И славно я усну, но где?.. Неважно!

Прощай, мой друг.

Анджолина

Позвольте мне минутку

Побыть близ вас, всего минутку! Я

Вас не могу таким оставить.

Дож

Что же,

Пойдем, дитя; прости мне; создана ты

Для лучшей доли, чем делить мою,

Что меркнет нынче в глубине долины,

Где смерть сидит в плаще из тьмы всеильной.

Когда уйду я (может быть, скорей,

Чем даже годы указуют, ибо

Кругом, внутри и вне идет брожение,

Грозящее так населить кладбища,

Как ни война не в силах, ни чума),

Когда ничем я стану, пусть хоть имя

Того, чем был я, с нежных губ твоих

Слетит порой, в душе возникнув тенью

Того, кто просит памяти, - не слез!..

Идем, дитя, идем. Дела не терпят.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Уединенное место близ арсенала.

Израэль Бертуччо и Филиппо Календаро.

Календаро

Ну, Израэль, как жалоба? успешно?

Израэль

Вполне.

Календаро

Возможно ли! Его накажут?

Израэль

О да.

Календаро

Арестом или штрафом?

Израэль

Смертью.

Календаро

Ты бредишь, или мстить решил

Своей рукой, по моему совету.

Израэль

Да, на глоток, хотя и сладкой, мести

Сменить мечту великого возмездья

За родину? Надежды - на изгнание?

Смяв одного, ста скорпионам дать

Моих друзей язвить, родных, сограждан?!

Нет, Календаро! Капли этой крови,

Бесславно пролитой, он всею кровью

Своей искупит - и не он один!

Мечь наша не за личную обиду:

Так себялюбцы мстят или безумцы,

Но не борцы с кровавой тиранией.

Календаро

Ну, мне таким терпеньем не хвалиться.

Будь я свидетелем твоей обиды,

Я б наглеца убил, не то задохся б

В усилиях тщетных бешенство сдержать!

Израэль

Спаси господь! Тогда бы все пропало;

Теперь же дело двинется.

Календаро

У Дожа

Ты был; что он сказал?

Израэль

Что на Барбаро

И на ему подобных нет управы.

Календаро

Я ж говорил: не допроситься правды

Из этих рук.

Израэль

Но просьбы укрепляют

Доверие, отводят подозрения.

Смолчи я - каждый сбир за мной следил бы,

Решив, что я задумал втайне месть

Безмолвную и мрачную.

Календаро

А что бы

Тебе к Совету обратиться? Дож

Простая кукла: он своих не может

Добиться прав. Зачем к _нему_ ходил ты?

Израэль

Потом скажу.

Календаро

Что ж не теперь?

Израэль

Потерпишь

До полночи. Проверь своих людей

И всем друзьям вели собрать отряды:

Удар, возможно, нанести придется

В ближайшие часы. Мы долго ждали
Удобного мгновенья, и его,
Быть может, завтра солнце нам укажет:
Вдвойне опасно дольше медлить. Пусть
Все точно явятся на сборный пункт
И при оружьи, исключая тех
Среди шестнадцати, кто ждать сигнала
С бойцами будут.

Календаро

Это - речь! С ней в жилы
Мне снова жизнь влилась! От совещаний
Да проволочек я устал. Проходят
За днями дни, все прибавляя звеньев
Оковам нашим тяжким и обид
Все новых - нам самим и нашим братьям,
И новых сил - тиранам нашим наглым.
Ударить бы на них, и - будь что будет,
Неважно мне, - свобода или смерть!
Я изнемог, одной из двух заждавшись!

Израэль

Свободны будем - в жизни или в смерти:
Цепей в могиле нет... Готовы списки?
В шестнадцати дружинах наших точно
По шестьдесят бойцов?

Календаро

Неполны две:
По двадцати пяти нехватка в каждой.

Израэль

Что ж, обойдемся. Кто их командиры?

Календаро

Старик Соранцо и Бертрам. И оба,
Сдается, в бой не рвутся, не как мы.

Израэль

Твой пылкий нрав за холод принимает
Спокойствие: но в собранной душе
Порой отваги больше, чем в крикливом
Мятежнике. Не сомневайся в них.

Календаро

Я в старике уверен, но Бертрам...
Он вял и мягок, что весьма опасно
В таких делах, как наше. Он, я видел,
Как мальчик плакал над чужой бедой,
Пренебрегая собственной, сильнейшей.

Ему в недавней драке стало дурно
При виде крови, пущенной мерзавцу.

Израэль

У храбрых часто нежны взор и сердце,
И больно им кровавый долг свершать.

Бертрама знаю я давно - и редко
Встречал людей честнее.

Календаро

Может быть!

Но слабости боюсь я - не измены;
Но так как ни подруги, ни жены
Нет у него, чтоб действовать на жалость,
Он выстоит, пожалуй. К счастью, он
Бобыль и дружит только с нами. Дети
Или жена с собой его сравнивали б
В решимости.

Израэль

Подобная обуза

Не для людей с высоким назначением

Республику очистить от гнилья.

Наш долг - забыть для _одного_ все чувства,

Наш долг - все страсти гнать во имя цели,

Наш долг - смотреть лишь на страну родную,

И смерть считать прекрасною - наш долг,

Коль жертва наша к небу вознесется

И в мир свободу вечную сведет!

Календаро

Но если гибель...

Израэль

В смерти за идею

Нет гибели! Пусть плаха выпьет кровь,

Пусть головы на солнце сохнут, руки

Повиснут пусть на башнях и вратах

Дух будет реять здесь! Минуют годы,

Других постигнет тот же черный рок,

Но будет мысль расти неудержимо,

Глубокая, и, сокрушив иные,

Мир приведет к свободе наконец!

Кем были б мы без Брута? Он погиб

За вольность Рима, но пример бессмертный

Оставил - имя, символ чистоты,

И душу, воскресающую всюду,

Всегда, лишь деспот власть возьмет и рабство

Плодит. Он с другом заслужили славу

Последних римлян. Так начнем же род

Венецианцев истых, внуков Рима!

Календаро

Не с тем бежали предки от Аттилы
На илистые эти острова,
Где строй дворцов отбил у моря топи,
Чтоб одного сменить на сто тиранов.
Уж лучше гунну кланяться, не этим
Раздутым шелковичным червякам!
Гунн был хоть муж и меч держал, как скипетр.

А эти черви женственные власть
Над нами и над войском держат словом,
Волшбой какой-то.

Израэль

Мы волшбу разгоним
И скоро!.. Говоришь ты, все готово?
Обычного обхода я не делал,
Ты знаешь почему; но твой дозор
Мою заботу заменил, конечно,
Советом отданный приказ - ускорить
Ремонт галер - прекрасным был предложением
Ввести побольше наших в арсенал
Как новых мастеров по снаряженью
И новобранцев, набранных поспешно
В матросы. Все ли снабжены оружием?

Календаро

Все, кто внушал доверье. А другие
Пусть подождут в неведение, пока мы
Не грянем. Вот тогда - вооружу их.
В пылу и спешке некогда им будет
Раздумывать - придется уж примкнуть
К товарищам.

Израэль

Ты правильно решил.

Всех ты заметил этих?

Календаро

Да; учел я

Немало и начальникам дружинным

Предосторожность эту предписал.

Насколько вижу, сил у нас довольно,

Чтоб вышло дело, коль начнем не позже

Чем завтра. До начала - каждый час

Нам тысячью опасностей грозит.

Израэль

В обычный час всех собери шестнадцать,

За исключением Николетто Блондо,

Соранцо, Марко Джудо. Эти трое

Пусть в арсенале смотрят за порядком,

Пока дадим условленный сигнал.

Календаро

Исполним.

Израэль

Прочим - быть вели где нужно.

Я должен им представить новичка.

Календаро

Что? Новичок? Он тайну знает?

Израэль

Да.

Календаро

И ты рискнул доверить жизнь друзей

Чужому, незнакомцу? Безрассудство!

Израэль

Я рисковал одной моею жизнью,

Уверен будь. А помощь незнакомца
Удвоить может нашу безопасность.
Коль согласится он. А коль отступит
Он в нашей власти: мы придем вдвоем;
Не ускользнет. Да он и не отступит.

Календаро

Смогу судить, лишь повидав его.
Он что - из наших?

Израэль

Да, по духу - наш.
Хоть родом знатен. Он из тех, кто может
Взойти на трон или низвергнуть трон;
Кто подвиги свершал и видел много
Превратностей; не деспот, хоть и вскормлен
Для деспотии; смел в бою и мудр
В совете; благороден, хоть надменен.
Скор, сдержан. Но притом столь полон страсти,
Что если оскорбить его в заветном,
В нежнейшем чувстве (что и было с ним),
То и у греков не найдешь тех фурий,
Какие грудь ему каленым когтем
Сейчас терзают, чтобы он способен стал
На все для мести!.. Он вольнолюбив
К тому же; видя, что народ бесправен,
Сочувствует его страданьям. 'В общем
Такой нам нужен, да и мы ему.

Календаро

Какую ж роль ему ты намечаешь?

Израэль

Главы, быть может.

Календаро

Как, и ты ему

Уступишь руководство?

Израэль

Да, конечно.

В чем цель моя? В победе нашей общей.

А власти не ищу я. Опыт мой,

Пожалуй, ловкость: - вот за что решили

Вы все избрать меня вождем, покуда

Получше нет. И если я нашел

Того, кого ты сам бы счел достойней,

Ужели я из чувства самолюбья

И в жажде краткой власти - общим благом

Рискну во имя личных интересов,

Не уступлю тому, кто превосходит

Меня как вождь? Нет, Календаро! Плохо

Ты знаешь друга! Но - решите сами.

Прощай пока, до встречи в должный час.

Позорче будь, и все пойдет прекрасно.

Календаро

Мой Израэль достойный! Ты всегда

Был храбр и верен, в голове и сердце

Тая те планы, что всегда готов я

Исполнить. Мне иных вождей не надо.

Не знаю, как товарищи решат,

Но я с тобой, - как прежде, так и ныне,

Во всех делах. Теперь - прощай, а в полночь,

Как ты сказал, мы встретимся опять.

Уходят.

АКТ ТРЕТИЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Часть площади между каналом и церковью Санти Джованни э Паоло.

Перед церковью статуя всадника. Невдалеке на канале притаилась гондола. Входит дож, один, переодетый.

Дож

Я поспешил. Но близок час, и голос,
Под сводом ночи прогремев, шатнет
Дворцы вот эти предсказаньем грозным,
До основанья мрамор сотряся,
И спящих от ужасных грез пробудит,
От смутного, но страшного предчувствия
Грядущих бед... Да, гордый город! Время
Кровь черную твою очистить: с ней
Ты стал чумным баракком тирании!
Мне выпало исполнить это дело;
Я не хотел и вот наказан; видел:
Растет патрицианская чума,
И сам, проспав опасность, заразился.
Я осквернен - и смыть волной целебной
Обязан пятна. Вот великий храм!
Здесь предки спят, чьих статуй тень ложится
На пол, нас отделяющий от мертвых;
И те сердца, где кровь бурлила наша,
Теперь лишь горстка пепла; что когда-то
Героев создавало, стало пылью;
Щепотка праха потрясала мир!
Храм тех святых, кто род наш охраняют,
Двух дожей склеп, моих отцов, погибших
Один в бою, другой среди трудов;
Склеп целой вереницы полководцев

И мудрецов, чьи подвиги и раны
Наследье мне! Разверзните, гроба!
Пусть мертвецы заполнят все приделы,
На паперть выйдут - глянуть на меня!
И храм и род свидетелями будут,
Чем я подвигнут на такое дело;
Честь их герба, и благородство крови,
И славный титул - все посрамлено
Во _мне_. Не _мною_ - неблагодарной знатью;
Мы бились, чтоб до нас ее поднять,
Не выше нас. В особенности ты,
Отважный Орделафо! Ты погиб,
Где дрался я, - под Зарой; гекатомбы
Врагов, уложенные мной, потомком,
Подобной ли награды заслужили?
О тени! Улыбнитесь мне! Коль есть
Меж нами связь, моя задача - ваша:
Во мне и ваша честь, и ваше имя,
И судьбы рода. Дайте мне удачу
И город наш я сделаю свободным
И вечным и поставлю имя рода
Достойным вас и ныне и в веках!
Входит Израэль Бертуччо.
Израэль
Кто это?
Дождь
Друг Венеции.
Израэль
Да, он...
Привет, мой дождь; пришли вы раньше срока.

Дождь

Готов идти на вашу ссодку я.

Израэль

Слуга ваш! Я горжусь и счастлив, видя

Столъ быстрое согласие. С нашей встречи

Сомнения у вас исчезли, видно.

Дождь

Нет. Все же я отдам остаток жизни

На это дело. Жребий пал в тот миг,

Когда про вашу я узнал измену.

Не вздрагивай! Я _точен_. Мягким словом

Я не прикрою черное деянье,

Хоть сам готов свершить его. Когда

Ты соблазнял меня и я не бросил

Тебя в тюрьму, уже тогда я стал

Сообщником преступнейшим. Ты можешь

Предать меня, как мог и я тебя.

Израэль

Мой дождь, я слов не заслужил столь странных.

Я не шпион; мы оба не шпионы.

Дождь

"Мы оба"!.. Да, ты вправе говорить

О _нас_... Но к делу. Если дело выйдет

Венеция, свободной и цветущей,

Когда уже мы будем спать в гробах,

Пошлет к могилам нашим поколенья

Своих детей - ручонками кидать

На прах освободителей цветы,

Тогда деянье наше оправдают

Его итоги, и войдем, два Брута,

В грядущие анналы. Если ж нет
И мы падем, устроив заговор
И кровь пролив, хотя бы с чистой целью,
То мы - навек изменники, мой милый!
И ты и я, твой государь недавний,
Твой сомятежник через шесть часов!
Израэль
Не время рассуждать об этом; я бы
Нашел ответ. Пойдемте же на сходку;
Коль будем медлить, нас увидеть могут.
Дожд
Нас видели и видят.
Израэль
Видят?! Кто?
Найду я - и клинок мой...
Дожд
Спрячь, не нужно:
Не человек следит. Взгляни туда;
Что видишь?
Израэль
Только статую бойца
На гордом скакуне - при тусклом свете
Луны туманной.
Дожд
Этот воин - пращур
Моих отцов, и памятник ему
Воздвиг наш город, им спасенный дважды.
По-твоему, он видит нас иль нет?
Израэль
Воображенье, государь! Нет глаз

У мрамора.

Дожд

Но есть они у смерти.

Знай: дух живет в таких вещах и видит

И действует - незрим, но ощущаем.

И если чары могут вызвать мертвых,

То в нашем деле эти чары есть.

Такие деды, как мои, не в силах

Покоиться, коль вождь, последний в роде,

У их гробов святых со злобной чернью

Затеял сговор.

Израэль

Надо было взвесить

Все это раньше, чем примкнуть к великой

Борьбе. Вы сожалеете, я вижу?

Дожд

Нет! но _страдаю_, и нельзя иначе.

Вмиг не погасишь ореол всей жизни;

В ничтожество не сократишься вмиг,

Чтоб убивать из-за угла, не медля...

Но не страшись. В страданье этом, в ясном

Сознании причин его - залог

Спокойствия для вас. И в клике вашей

Ни одного мастерового нет

С моей обидой и моею жаждой

Возмездия! Те средства, что я должен

Избрать, благодаря тиранам злобным,

Деянья те, которыми я мщу,

К ним ненависть внушают мне двойную!

Израэль

Идемте. О! Бьет час.

Дожд

Идем, идем!

Надгробный звон! Венеции иль наш?

Израэль

Верней сказать - победный звон свободы

Ликующей. Сюда; недалеко.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Дом, где собираются заговорщики.

Даголино, Доро, Бертрам, Феделе,

Тревизано, Календаро,

Антонио делла Бенде и др.

Календаро

(входя)

Все здесь?

Даголино

С тобою - все, за исключением

Трех арсенальских. Израэля нет,

Но ждем его вот-вот.

Календаро

А где Бертрам?

Бертрам

Я здесь.

Календаро

Не смог ты свой отряд пополнить

До нужного числа?

Бертрам

Нет, кой-кого

Наметил я, но не рискнул доверить

Им тайну: раньше надо убедиться,

Достойны ли они доверья.

Календаро

Тайну

Им и не надо знать. Кто, кроме нас

И самых избранных друзей, о деле

Вполне осведомлен? Все полагают,

Что их Сенат призвал негласно, чтобы

Со знатными разделаться юнцами,

Беспутством оскорбившими закон.

Но коль начнут и сталь презренной кровью

Сенаторов гнуснейших обагрят,

То и других пойдут разить с разгону,

Вслед за вождями, следуя примеру,

А я такой подам, что им придется,

Из самолюбья и спасая жизнь,

Всех истребить, не медля ни минуты.

Бертрам

Всех - ты сказал?

Календаро

А ты б щадил? Кого же?

Бертрам

Я? Я щадить не вправе. Я спросил,

Подумав, что найдутся и меж гнусных

Те, чьи года и качества позволят

Их пожалеть.

Календаро

Да, жалостью, какой

Заслуживают те куски гадюки

Разрубленной, что корчатся под солнцем

В последней спазме ядовитой жизни.

Нет! Я скорее пожалел бы каждый

Зуб ядоносный в челюстях змеи

Раздувшейся, чем одного из этих!

Любой из них - звено единой цепи,

Часть общего дыханья, плоти, массы.

Они живут, пьют, жрут, плодятся, давят,

Пируют, лгут и убивают - вместе.

Пусть и подохнут, как один!

Даголино

Останься

Один в живых - опасен он, как все.

Суть не в числе их - тысяча иль десять;

Мы выкорчевать дух патрицианства

Должны; один лишь уцелей росток

От старого ствола - он укрепитя

В земле и разрастетя вновь листвою

Угрюмою и горький плод родит!

Должны, Бертрам, мы тверды быть.

Календаро

Смотри!

Я за тобой слежу, Бертрам.

Бертрам

Кто здесь

Не верит мне?

Календаро

Не я; иначе ты бы

Нам о доверье здесь не толковал.

Тебе мы верим, но мягкосердечность

Пугает нас твоя.

Бертрам

Вам всем известно,

Кто я и что. Как вы, и я восстал

На угнетенье. Пусть я мягок сердцем,

Как многие здесь думают, - согласен.

Но храбр я или нет, об этом скажешь

Ты, Календаро, кто видал меня

В _работе_. А возможные сомненья

Готов я выбить из тебя.

Календаро

Изволь!

Но лишь покончив с нашим общим делом,

Не дракой частной прерывать его.

Бертрам

Я не драгун, но врезаться могу я

В толпу врагов не хуже, чем любой

Из вас. Иначе - почему б меня

Избрали командиром? Но, конечно,

Я мягок по природе. Не могу я

Без дрожи думать о сплошном убийстве;

Вид крови, бьющей из седых голов,

Не кажется мне триумфальным; в смерти

Людей, врасплох захваченных, не вижу

Я славы. О, я знаю, слишком знаю,

Что _так_ должны мы поступить с людьми,

Чьи действия взывают к мести. Но,

Коль есть меж ними те, кого бы можно

Спасти от смерти - ради нас самих

И нашей чести, - уменьшить потоки

Той крови, что пятнает наше дело,

Я был бы счастлив; что же тут смешного,

Что подозрительного?

Даголино

Успокойся,

Бертрам; тебе мы верим: но - мужайся.

Не мы хотим, а дело нудит нас

К таким деяньям. Но омоет пятна

Родник Свободы!

Входят Израэль Бертуччо и дож.

Здравствуй, Израэль.

Заговорщики

А, здравствуй, здравствуй! Запоздал ты,

храбрый

Бертуччо. Кто с тобой?

Календаро

Пора назвать

Пришельца; все товарищи готовы

Его принять по-братски; я сказал им.

Что новый друг тобою завербован;

Твой выбор будет нашим, столь мы верим

Твоим решеньям. А теперь пускай он

Откроется.

Израэль

Поближе, новый друг.

Дождь сбрасывает плащ.

Заговорщики

К оружию! Измена! Это дож!

Обоим смерть! Предателю-вождю

И деспоту, кто нас казнил.

Календаро

(обнажая меч)

Стой, стой!

Шагни - убью! Стой! Слушать Израэля!

Как? В ужас вы пришли, увидя старца,

Без стражи, без оружия, одного?

Но говори, Бертуччо! Что за тайна

Здесь кроется?

Израэль

Пусть бьют... самих себя,

Неблагодарные самоубийцы,

Чья жизнь, надежды, счастье - в наших жизнях!

Дожд

Рубите! Будь страшна мне смерть - иная,

Страшней, чем ваши мне сулят клинки,

Я б не пришел... О, мужество святое,

Дитя испуга, что дает вам храбрость

На старца беззащитного напасть!

Вот смельчаки, решившие низвергнуть

Трон и Сенат! Их повергает в ужас

Один патриций! Бейте ж: вы способны.

Мне все равно!.. Об этих мощных душах

Ты говорил мне, Израэль? Взгляни!

Календаро

Клянусь, он пристыдил нас! Заслужили!

Доверье ль ваше к верному Бертуччо

Сталь занесло над гостем и над ним?

Меч в ножны! Слушать!

Израэль

Говорить противно.

Должны бы знать, что сердце, как мое,

К измене не способно. Вами данной
Мне властью делать все, что нужно делу,
Не злоупотреблял я никогда,
И, значит, приведенный мной на сходку,
Кто б ни был он, уже свой сделал выбор:
Стать братом нашим или жертвой.

Дождь

Кем же

Я должен стать? Вы действуете так,
Что выбор мой едва ль вполне свободен.

Израэль

Мой дождь! Мы с вами вместе бы погибли,
Не присмирим безумцы эти. Но
Уже им стыдно дикого порыва,
Понурились!.. Я вам не лгал о них.

Скажите им.

Календарю

Да, да, скажите! Все мы
Поражены - и слушаем.

Израэль

(заговорщикам)

Вам нет

Опасности - скорее вы у цели;
Послушайте; поймете, что я прав.

Дождь

Глядите: вот я, безоружный старец,
Беспомощный, как тут сказали; был я
Еще вчера - на троне, государем
Ста островов, или казался им,
Одетый в пурпур, я скреплял декреты,

Указы власти не моей, не вашей,
А власти наших подлинных господ
Патрициев. Что был я _там_ - понятно.
Зачем я _здесь_? Об этом тот из вас,
Кто всех сильнее унижен, презрен, погран,
Так, что не знает, не червяк ли он,
Ответит за меня, коль сердце спросит
Свое, его приведшее сюда.
Вам, как и прочим, мой позор известен;
Ваш суд - иной, не тот, что приговором
Обиду на обиду взгромоздил...
Избавьте от рассказа... Здесь - да, в сердце,
Моя обида, но слова, поток
Бесплодных жалоб, мной уже пролитый,
Лишь подчеркнули б старческую слабость,
А цель моя - умножить силу сильных,
Их к действию понудить, а не к битве
Оружьем баб. Но что вас понуждать?
Несчастья лиц - плод общего разврата
Страны, что ни республика, ни царство,
Где ни народа нет, ни короля,
Где все пороки древней Спарты - без
Ее умеренности и отваги.
Вожди спартанцев воинами были,
А наши - сибариты. Мы ж - илоты,
И я - всех ниже, самый жалкий раб,
Хоть напоказ, всех ярче наряженный:
Так древний грек, в забаву для детей,
Напаивал рабов... Вы здесь - низвергнуть
Уродливое это государство,

Карикатуру власти, привиденье,
Что можно кровью лишь изгнать. Тогда
Мы воскресим закон и справедливость,
В республике свободной воплотим
Не безначалие, а равноправье;
Все рассчитав, как бы колонны храма,
Распределив упругость и нагрузку,
Соединив изящество и прочность,
Так, что нельзя ни части шелохнуть
Без нарушенья общей симметрии.
При столь великой смене быть хочу я
Одним среди вас - коль верите вы мне.
А нет - убейте: мне возврата нету,
Мне легче пасть от рук сограждан вольных,
Чем день прожить в обличий тирана
Слугой тиранов. Не такой я, нет,
И прежде не был, - летопись прочтите.
Я на мое правление сошлюсь
Во многих городах; они вам скажут:
Я - угнетатель или человек,
Сочувствовавший людям, мне подвластным.
Будь я лишь тем, кого искал Сенат,
Разряженной фигурой в побрякушках,
Безмолвным манекеном государя,
Бичом народа, скрепщиком указов,
Союзником всегдашним Сорока,
Врагом всех мер, коль нет на них согласия
Совета Десяти, льстецом Сената,
Щитом, шутом и куклой - о, тогда
Хам, плюнувший в меня, не поощрялся б!

Причина бед моих - любовь к народу;
Об этом знают многие, другие
Узнают после. Ныне ж - вам вручаю,
Что ни случись, остаток дней моих,
Остаток сил - не жалкой силы дожа,
А человека, кто великим был,
Покуда не унизился до трона,
Но сохранил еще и ум и личность;
Я ставлю славу (а она была)
И жизнь (недорогую близ могилы),
Надежду, сердце, душу - ставлю на кон!
Вам и вождям я отдаюсь таким
Как есть. Примите ж иль отбросьте князя,
Кто будет гражданином иль ничем
И кто свой трон для этого покинул!
Календаро
Да здравствует Фальеро! Вольной будет
Венеция!
Заговорщики
Да здравствует Фальеро!
Израэль
Ну что, друзья? Не войску ли он равен
Для нас?!Дожд
Не время для похвал, не место
Для ликований. Ваш я?
Календаро
Да, и первый
Меж нас, как первым в государстве был!
Будь нам вождем, будь генералом нашим.

Фальеро

Вождь, генерал... Я вел полки под Зарой;

Я правил Кипром и Родосом; дожем

Венецианским был... Мне ль опуститься,

Начальствуя над кучкой... патриотов?

Я званья родовые не для новых

Сложил с себя, а чтобы равным стать

Сообщникам моим. Но к делу. План ваш

Известен мне от Израэля - дерзкий,

Но исполнимый при моем участие

И при незамедлительном начале.

Календаро

Лишь прикажи. Не правда ль, братья? Все

Готово для внезапного удара.

Когда ж начнем?

Дож

С зарей.

Израэль

Так рано?

Дож

Рано?

Скорее поздно. С каждым часом больше

Опасность - и особенно теперь,

Когда я с вами. Вам ли неизвестен

Сенат и Десять? Их шпионы - очи

Патрициев, кому страшны рабы их

И я вдвойне сомнителен как дож?

Я говорю: разить немедля надо

И в сердце гидры. Головы - потом.

Календаро

К твоим услугам меч мой и душа,
Дружины, все по шестьдесят, готовы;
С оружием все, как Израэль велел,
И ждут в местах, назначенных для сбора,
Великого удара. Пусть же каждый
Из нас отправится на пост. Но что
Сигналом будет нам?

Дожд

Когда ударят

На Санто Марко в колокол большой,
Звонящий лишь по приказанью дожд
(Последнее из жалких прав моих),

Все к Марку!

Израэль

Дальше?

Дожд

Каждая дружина

Пускай особой улицей идет,

На площадь проникая. По дороге

Пускай кричат, что генуэзский флот

У гавани замечен на рассвете;

Дворец, придя на площадь, окружите;

Двор - мой племянник во главе моих

Вассалов, храбрых и вооруженных,

Займет. Под звон колоколов кричите:

"Враг в наших водах, Санто Марко враг!"

Календаро

Теперь я понял. Дальше, государь мой?

Дожд

Вся знать сбежится на Совет, не смея

Не внять сигналу грозному, что грянет
С высокой башни нашего святого;
И эту жатву тучную не медля
Мы соберем - мечом, а не серпом.
А опоздавших или непришедших
Легко мы уберем поодиночке,
Раз большинство поляжет здесь.
Календаро
Скорей бы
Миг наступал! Смертельным будет каждый
Удар!
Бертрам
Я снова, государь, простите
Задам вопрос, мной заданный уже
До появления Израэля с вами,
Союзником великим, кто сулит нам
Успех и безопасность. В них мне брезжит
Пощада для иных из наших жертв.
Ужели все должны погибнуть в бойне?
Календаро
Кто попадется мне или моим
Мы пощадим, как нас они щадили.
Заговорщики
Всем смерть! Болтать о жалости не время!
А нас они жалели, хоть притворно?
Израэль
Все это хныканье, Бертрам, нелепо
И оскорбляет нас и наше дело!
Как не понять, что пощаженный будет
Мстить за погибших и для мести жить?

Как отличить невинных от преступных?

Все их дела - одно, одно дыхание

Единой плоти: все они срослись,

Чтоб нас давить. Уже того довольно,

Что мы детей их пощадим; и то

Сомнительно: щадить ли все отродье?

Порой охотник одного тигренка

Из выводка оставит, но не будет

Щадить самца и самку полосатых,

Чтоб не погибнуть в их когтях. Но, впрочем,

Я поступлю, как дож Фальеро скажет;

Пусть он решит - щадить нам? и кого?

Дожд

Не спрашивайте. Искушать не надо.

Решите сами.

Израэль

Вам известны лучше

Их личные достоинства; мы знаем

Общественный разврат их, гнет их гнусный

И ненавидим. Если есть меж ними

Достойный жить - скажите, назовите.

Дожд

Отец Дольфино был мне другом; с Ландо

Я бился рядом; был с Корнаро вместе

В посольстве в Геную; я спас Веньеро

Спасу ль его опять? О, если б мог я

Их - и равно Венецию - спасти!

Они, отцы их - были мне друзьями,

Пока не стал я государем их;

Теперь отпали все, как лепестки

Цветка увядшего, и - сохлый стебель,
Один - кого укрою? Что ж! Я ими
Оставлен вянуть; пусть же гибнут все!
Календаро
Их жизнь несовместима со свободой!
Дождь
Известна вам вся тяжесть наших общих
Обид, но не известно вам, какой
Смертельный яд для всех истоков жизни,
Для связей человеческих, для добра
В установленьях скрыт венецианских!
Я с этими людьми дружил, любил их,
И тем же мне они платили; вместе
Служили мы и бились; мы делили
Восторг и горе, слезы и улыбки;
Нас кровь роднила и скрепляли браки;
С годами наши почести росли.
Когда ж по их - не моему - желанью
У них я князем стал, тогда прощай
Воспоминанья общие и мысли,
Прощай все узы нашей дружбы давней,
Столь сладкие для деятелей старых.
Чей след - в анналах, чьи деянья стали
Сокровищем остатка дней, и старцы
При встречах видят блеск полустолетья
На братском лбу; и тени стольких близких,
Теперь почивших, возле них кружат,
Нашептывая о прошедших днях,
И мертвыми не кажутся, покуда
Хоть двое из лихой, беспечной, храброй

Семьи, с одной душой, хранят еще
Вздых об ушедших и язык, чтоб славить
Завещанные мрамору дела...
О, горе мне! На что решился я?
Мой дож! Вы так взволнованы! Но время ль
Теперь об этом размышлять?
Дождь
Терпенье!
Не отступаю я. Но проследим
Постыдные пороки нашей власти.
Лишь стал я дождем, - их же волей стал,
Прощай, бывшее! Для всего я умер,
Вернее - для меня они. Где дружба?
Где нежность? Где очаг? - Все сметено...
Я отчужден: моя пятнает близость;
Я не любим: такого нет закона;
Я ущемлен: политика Сената;
Я высмеян: патрицианский долг;
Я попран: это право государства;
Я беззащитен: так верней, спокойней;
Вот так я стал у подданных рабом,
Вот так я стал врагом друзей! Шпионы
Мне стали стражей, ризы - властью, пышность
Свободой, инквизиторы - друзьями,
Тюремщики - советом, жизнью - ад!
Остался мне один родник покоя
И он отравлен ими. Боги дома
Разбиты - и на алтаре сидят
С ухмылкой наглой Клевета и Мерзость!
Израэль

Глубоко оскорбили вас! Но вы
Им отомстите - не позднее суток.
Дождь
Я все терпел; терзался, но терпел;
Покуда в чашу горечи не пала
Последней каплей дерзкая обида
И поощренье встретила, не плеть.
Вот лишь когда я те отбросил чувства,
Что в них давно погасли - с той поры,
Когда они мне присягали лживо!
Да, в этот миг они презрели друга,
Венчая дождя. Так ребенок лепит
Игрушку, чтобы, поиграв, сломать!
С тех пор я знал лишь происки глухие
Сената против дождя, тайный рост
Взаимной ненависти и боязни;
Дрожала знать, за власть свою цепляясь,
И тиранию ненавидел дождь.
И нет меж нами личных отношений,
Нет прежних уз; порвали их они.
Я вижу в них сенаторов, повинных
В самоуправстве, - и пускай как должно
Поступят с ними.
Календарю
А теперь - за дело!
Все по местам. Пусть будет эта ночь
Последней ночью слов; я схватки жажду!
Меня звон Марка сонным не найдет!
Израэль
Все на посты! Спокойствие и зоркость!

Мысль - о страданиях наших и правах!
Лишь ночь пройдет, и нам не знать угрозы!
Сигнал - и все вперед. К моей дружине
Иду я. Пусть никто не медлит в деле.
А дож вернется во дворец - готовить
Все для удара. Разойдемся мы
Для новой встречи в славе и в свободе!
Календаро
При встрече - голову Микеле Стено
Я на мече преподнесу вам, дож.
Дождь
Нет, нет, его оставим напоследок;
Не отвлекайся мелкой дичью в гоне
За красным зверем. Оскорбление Стено
Лишь результат распущенности общей,
Разврата, порожденного в глубинах
Порочной знати. Он не мог, не смел бы
Рискнуть на это в лучшие года.
Мой личный гнев я растворил в заботе
О нашем общем и великом деле.
Я наказания требую рабу
У гордого хозяина. Откажет?
Он сам обидчик и ответит - сам!
Календаро
Но он - причина нашей связи с вами,
Что освящает наше начинанье;
Ему я благодарностью обязан
И жажду отплатить как должно. Можно?
Дождь
Ты руку рубишь - голову рублю я;

Ты к школяру - к учителю я с розгой;
Ты Стено мстишь - Сенат караю я.
Могу ль я медлить ради личной злобы
С огромным, полным, всесторонним мщением,
Палящим все, как тот огонь небесный,
Что пал когда-то, - и горячий пепл
Двух городов был залит Мертвым морем?

Израэль

Ступайте ж на посты. Я задержусь
И дожа провожу до места встречи,
Удостоверюсь, нет ли где шпионов,
За ним следящих. А потом бегу
К моим бойцам, сжимающим оружие.

Календаро

Прощай же - до рассвета.

Израэль

Всем успеха!

Заговорщики

Все будем в срок. Вперед! Прощайте, дож!

Заговорщики приветствуют дожа и Израэля Бертуччо
и удаляются во главе с Филиппе Календаро. Дож и Израэль
Бертуччо остаются.

Израэль

Ну, враг - в тенетах и не ускользнет!
Теперь ты - подлинный монарх, чье имя
Славнее славных обретет бессмертье.
Свергал царей народ свободный; цезарь
Пал не один; диктаторов крушили
Патриции; патрициев - плебейский
Пронзал клинок. Но был ли князь, вступивший

С народом в заговор свободы - жизнью
За вольность подданных своих рискуя?
Спокон веков князья трудились втайне
Во вред народу, цепь с него снимая
Лишь для того, чтоб дать оружие против
Народов братских, чтоб ярмо рождало
Ярмо, и смерть и рабство лишь дразнили
Пасть ненасытного Левиафана!
Теперь - о нашем деле; риск велик,
Награда - больше. Что же вы недвижны?
Вы миг назад весь были - нетерпенье!
Дожд
Итак, все решено? И все погибнут?
Израэль
Кто?
Дожд
Близкие мои по крови, дружбе,
Трудам и дням, - сенаторы.
Израэль
Вы сами
Произнесли им правый приговор.
Дожд
Пожалуй, правый, для тебя - бесспорно.
Ты патриот, плебейский Гракх, оракул
Мятежников, трибун народный; что же
Тебя хулить? Ты действуешь, как должен.
Ты попан ими, притеснен, унижен
Как я, - но с ними ты не вел бесед,
Ты хлеба с ними не делил и соли,
Ты кубка их не подносил к губам,

Не рос ты с ними, не смеялся вместе,
Не плакал, в их кругу не пировал;
Не отвечал улыбкой на улыбку,
Не требовал улыбки их в обмен,
Им не вверялся, не хранил их в сердце,
Как я! Взгляни: я сед, и так же седы
Старейшие в Сенате; но, я помню,
Их кудри были черными как смоль,
Когда мы вместе за добычей гнались
Меж островов, отбитых у неверных!
И видеть всех - утопленных в крови?
Сталь в их груди - мое самоубийство!

Израэль

Дож, дож! Такая слабость недостойна
Ребенка! Если вы не впали в детство,
Верните нервам крепость, не срамите
Вас и меня. Клянусь, я предпочел бы
Успеха в нашем деле не добиться,
Чем видеть мужа чтимого упавшим
С высот решимости в такую дряблость!
В боях вы кровь видали, лили кровь
Свою и вражью; вам ли страшны капли
Из жил вампиров старых, отдающих
Лишь выпитую у миллионов кровь?!

Дож

Прости мне! Все шаги и все удары
Я с вами разделю. Нет, я не дрогнул,
О нет! Но именно моя решимость
Все совершить - меня волнует. Пусть же
Они пройдут, томительные мысли,

Чему лишь ты - свидетель равнодушный

Да ночь... Наступит миг - и это я

Набат обрушу и ударом гряну,

Что обезлюдит не один дворец,

Что подсечет древа родов древнейших,

Развеет их кровавые плоды,

Цветы их обрекая на бесплодье;

Я так хочу, так должен, так свершу я

Клянусь! Ничто не отвратит мой рок!

И все ж, подумав, кем я должен стать

И кем я был, - я трепещу!.. Прости мне!

Израэль

Бодритесь! Я подобных угрызений

Не знаю вовсе. Что меняться вам?

По доброй воле действуете вы.

Дожд

Да, ты не знаешь. Но и я! Иначе

Тебя на месте б я убил, спасая

Жизнь тысяч, - и убил, не став убийцей.

Не знаешь ты, как бы мясник, на бойню

Идя, куда патрициев согнали!

Всех вырезав, ты светел станешь, весел,

Спокойно руки алые обмыв.

Но я, тебя с друзьями превзойдя

В резне ужасной, - чем я должен стать,

Что чувствовать, что видеть? Боже, боже!

Ты прав, сказав, что я "по доброй воле"

Затеял все; но и ошибся ты:

Я _вынужден_. Но ты не бойся: я

Вам соучастник самый беспощадный!

Ни доброй воли нет во мне, ни чувства
Обычного - они б мешали мне;
Теперь во мне и вокруг меня - геенна,
И, точно бес, кто верит и трепещет,
Я, с отвращеньем, действую!.. Идем!
Ступай к своим, а я - моих вассалов
Спешу собрать. Не бойся: всю разбудит
Венецию набат, за исключением
Сенаторов зарезанных. И солнце
Над Адрией не встанет в полном блеске,
Как всюду вопль раздастся, заглушив
Роптанье волн ужасным криком крови.
Решился я. Идем.
Израэль
Готов всем сердцем!
Но обуздай порывы этих чувств,
Не забывай, что сделали с тобою,
И помни, что плодом расправы этой
Придут века довольства и свободы
Для города раскованного! Истый
Тиран опустошит страну любую,
Не зная вовсе мук твоих - при мысли
О каре для предателей народа,
Для горстки! Верь, что жалость к ним преступна
Не менее, чем снисхождение к Стено!
Дожд
Ну, человек, ты дернул ту струну,
Что рвет мне сердце!.. Так! Вперед, за дело!
Уходят.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Дворец патриция Лиони. Лиони, сопровождаемый слугой, входит и снимает маску и плащ, которые венецианская знать носила в общественных местах.

Лиони

Я отдохну; я так устал от бала;
Он всех шумнее был за эту зиму,
Но, странно, не развлек меня. Не знаю,
Что за тоска вошла мне в душу, но
И в вихре танца, взор во взор с любимой,
Ладонь в ладонь с прекрасной дамой сердца
И то меня давила тягость; холод
Сквозь душу в кровь сочился, проступая
На лбу как бы предсмертным потом. Я
Тоску пытался смехом гнать - напрасно.
Сквозь музыку мне ясно и отдельно
Звон погребальный слышался вдали,
Негромкий, как прибой адрикий, ночью
Вливающийся в шепот городской,
Дробясь на внешних бастионах Лидо...
Я и ушел в разгаре бала с целью
Добиться дома от моей подушки
Покоя в мыслях или просто сна...
Возьми, Антонио, плащ и маску; лампу
Зажги мне в спальне.

Антонио

Слушаю синьор.

Чем подкрепитесь?

Лиони

Только сном, но сна мне

Ты не подашь.
Антонио уходит.
Надеюсь, он придет,
Хоть на душе тревожно. Может быть,
Мне воздух свежий успокоит мысли:
Ночь хороша; левантский ветер мгlistый
В свою нору уполз, и ясный месяц
Взошел сиять. Какая тишина!
(Подходит к раскрытым жалюзи.)
Как не похоже на картину бала,
Где факелы свой резкий блеск, а лампы
Свой мягкий разливали по шпалерам,
Внося в упрямый сумрак, что гнездится
В огромных тусклооких галереях,
Слепящий вал искусственного света,
В котором видно все, и все - не так.
Там старость пробует вернуть былое
И, проведя часы в работе трудной
Пред зеркалом, правдивым чересчур,
В борьбе за молодой румянец, входит
Во всем великолепии украшений,
Забыв года и веря, что другие
Забудут их при этом лживом блеске,
Потворствующем тайне, но -. - напрасно.
Там юность, не нуждаясь в этих жалких
Уловках, цвет свой неподдельный тратит,
Здоровье, прелесть - в нездоровой давке,
В толпе гуляк, и расточает время
На мнимое веселье, вместо сна,
Пока рассвет не озарит поблекших

И бледных лиц и тусклых глаз, которым
Сверкать бы должно долгие года.
Пир, музыка, вино, цветы, гирлянды,
Сиянье глаз, благоуханье роз,
Блеск украшений, перстни и браслеты,
Рук белизна, и вороновы крылья
Волос, и груди лебединый очерк,
И ожерелий Индия сплошная,
Но меркнущая перед блеском плеч,
Прозрачные наряды, точно дымка,
Плывущая меж взорами и небом,
Мельканье ножек маленьких и легких
Намек на тайну нежной симметрии
Прекрасных форм, столь чудно завершенных,
Все чары ослепительной картины,
Где явь и ложь, искусство и природа
Пьянили взор мой, с жадностью впивавший
Вид красоты, как пилигрим в пустынях
Аравии, обманутый миражем,
Сулящим жажде светлый блеск озер.
Все бросил я. Вокруг - вода и звезды;
Миры глядятся в море, сколь прекрасней,
Чем отблеск ламп в парадных зеркалах;
Великий звездный океан раскинул
В пространстве голубую глубину,
Где нежно веет первый вздох весенний;
Высокий месяц, плавно проплывая,
Дает воздушность камню гордых стен,
Дворцов и башен, окаймленных морем;
Колонны из порфира и фасады,

Чей на Востоке был захвачен мрамор,
Впродоль канала алтарями встали
И кажутся трофеями побед,
Из вод взлетающими, и столь же странны,
Как те таинственные массы камня,
То зодчество титанов, что в Египте
Нам указывает эру, для которой
Иных анналов нет... Какая тишь!
Какая мягкость! Каждое движение,
В согласье с ночью, кажется бесплотным.
Звучит гитара: то бессонный кличет
Любовник чуткую подругу; тихо
Окно открылось: он услышан, значит;
И юная прекрасная рука,
Сама как бы из лунного сиянья,
Столь белая, дрожит, отодвигая
Ревнивую решетку, чтоб любовь
За музыкой вошла, - и сердце друга
Само звенит, как струны, в этот миг.
Вот фосфоритный всплеск весла, вот отблеск
Фонариков с бортов гондол проворных,
И перекликом дальних голосов
Хор гондольеров стих на стих меняет;
Вот тень скользит, чернея, на Риальто;
Вот блеск дворцовых кровель и шпилей...
Вот все, что видно, все, что слышно в этом
Пеннорожденном землевластном граде!..
Как тих и нежен мирный час ночной!..
Спасибо, ночь! Ужасные предчувствия,
Каких не мог рассеять я на людях,

Ты прогнала. Благословлен тобою,
Твоим дыханьем, кротким и спокойным,
Теперь усну я, хоть в такую ночь
Сон - оскорбление для нее...
Слышен стук в дверь.
Стучат?
Что это? Кто пришел в такое время?
Входит Антонио.
Синьор, там некто, с неотложным делом,
Приема просит.
Лиони
Кто же? Незнакомец?
Антонио
Лицо он в плащ укутал, но манеры
Его и голос чем-то мне знакомы;
Спросил я - кто он, но лишь вам открыться
Готов упрямец. Он упорно просит,
Чтоб вы ему позволили войти.
Лиони
Так поздно... Подозрительное рвенье...
Но вряд ли есть опасность: до сих пор
Патрициев не убивали дома;
Но, хоть врагов и нету у меня,
Однако осторожность не мешает.
Введя его, уйди, но позови
Твоих подручных сторожить за дверью.
Кто б это был?
Антонио уходит и возвращается с Бертрамом,
закутанным в плащ.
Бертрам

Синьор Лиони! Дорог

Нам каждый миг - и мне и вам. Ушлите

Слугу; нам надо с глазу на глаз быть.

Лиони

Бертрам как будто... Можешь удалиться,

Антоньо.

Антонио уходит.

Ну, что нужно вам так поздно?

Бертрам

(открывая лицо)

Благодеежня, добрый мой патрон!

Бедняк Бертрам от вас их много видел;

Еще одно - и счастлив буду я.

Лиони

Тебе, ты знаешь, с детства помогал я

В любых твоих житейских достижениях,

Приличных званью, и теперь готов бы

Все обещать заранее, но странный

Приход ночной, настойчивость, поспешность

Мне подозрительны. Я чую тайну,

Скажи, в чем дело? Что произошло?

Внезапная пустая ссора? Лишний

Глоток вина и драка и кинжал?

Обычная история. И если

Убит не дворянин, суда не бойся,

Но все ж беги: в порыве первом гнева

Друзья и родственники могут мстить

В Венеции смертельнее закона.

Бертрам

Синьор, спасибо, но...

Лиони

Но что? Ты руку

Дерзнул поднять на знатного? Тогда

Спеши, беги, но и молчи: тебя я

Сам не убью, но и спасать не стану!

Кто пролил кровь патриция...

Бертрам

Пришел я

Кровь эту сохранить, а не пролить!

Но я спешу, минута промедленья

Нам жизни может стоять: меч двуострый

Взамен косы уже заносит время,

И в скляницу его взамен песка

Насыпан пепел гробовой. Молю вас:

Сидите завтра дома!

Лиони

Почему?

Что мне грозит?

Бертрам

Не спрашивай об этом,

Но заклинаю вновь: не выходи,

Что б ни случилось. Рев толпы, крик женщин,

Ребячий плач и стон мужской, бряцанье

Оружия, треск барабанов, вопли

Рожков и гуд колоколов повсюду

Смятенье разнесут! Не выходи.

Пока набат не смолкнет, да и после;

Меня дождись.

Лиони

Я повторю: в чем дело?

Бертрам

Я повторю: не спрашивай! Во имя
Твоих святынь на небе и земле,
Твоих великих предков и надежды
Им следовать и породить потомков,
Равно достойных рода и тебя,
Во имя счастья в прошлом и в грядущем,
Во имя страха пред земным и горним.
Во имя всех благодеяний мне,
За что пришел я уплатить сторицей,
Останься дома! Вверх себя пенатам;
Верь мне, и, поступив, как я сказал,
Найдешь спасенье. А иначе - гибель!

Лиони

Да я уже погиб от изумленья!
Ты явно бредишь! Что грозить мне может?
И кто враги мне? Если ж есть они,
Ты почему в союзе с ними? Ты!
И если так, то почему ты медлил
С предупреждением?

Бертрам

Не скажу, не смею.
Что ж, выйдешь, вопреки предупрежденью?

Лиони

Я не рожден пустых угроз бояться,
Особенно вслепую; на Совете,
Будь он назначен в поздний час иль ранний,
Я появлюсь.

Бертрам

Не говори так, нет!

В последний раз: решил ты завтра выйти?

Лиони

Решил. Ничто не мешает мне!

Бертрам

Тогда - пусть бог тебя спасет. Прощай.

(Направляется к выходу.)

Лиони

Стой! Не забота о себе велит мне

Тебя вернуть; нам так нельзя расстаться;

Тебя я знаю с детства...

Бертрам

Да, синьор!

Вы - покровитель мой с тех дней беспечных,

Когда, ребята, позабыв о званьях,

Верней, забыв об их прерогативах

Застывших, мы играли и - делили

Забавы, смех и слезы. Ваш отец

Был моему патроном; я же вам

Был ближе, чем молочный брат; мы годы

Росли вдвоем. О годы счастья! Боже!

Как рознятся от наших дней они!

Лиони

Не я, а ты забыл их.

Бертрам

Никогда мне

Их не забыть! Что ни случись, всегда я

Тебя бы спас! Когда мы возмужали,

Ты посвятил себя, согласно званью,

Делам правленья; скромный же Бертрам

Занятям столь же скромным. И, однако,

Меня ты не оставил. Если счастье
Мне не всегда служило, то виною
Не ты, столь часто помогавший мне
В борьбе с потоком всяческих невзгод,
Грозящих слабым. Крови благородней
Нельзя найти, чем в сердце благородном
Твоем, столь добром к бедняку плебею.
Ах, будь в Сенате все, как ты!..

Лиони

А в чем же

Ты можешь обвинить Сенат?

Бертрам

Ни в чем.

Лиони

Я знаю: есть мятежные умы
И шептуны, разносчики измены,
Что выползают из подполий темных
Проклятья в ночь шептать из-под плаща,
Озлобленная сволочь, дезертиры,
Распутные кабацкие буяны...
С подобными ты не водился; впрочем,
Тебя давно я потерял из виду;
Но ты всегда жил скромно и делил
Твой хлеб с достойными, всегда казался
Доволен. Что с тобой случилось? Бледен;
Глаза запали; жесты беспокойны...
Видать, в душе тоска, и стыд, и совесть
Ведут войну.
Бертрам
Пади тоска и стыд

На тиранию подлую, что воздух
Венецианский отравила, граждан
В безумье приводя, как бы чумных,
Кто бешенством исходит, умирая!

Лиони

Мерзавцами ты с толку сбит, Бертрам;
Не так ты прежде говорил и думал;
Какой-то чад в тебя бунтарство влил;
Но ты не должен гибнуть; ты ведь кротким
И добрым был; ты чужд поступкам низким,
Что подлецы тебе хотят привить.

Скажи мне все, открой - меня ты знаешь.

Что вы затеяли, о чем я должен

Быть предварен, я, друг твой старый, сын

Того, кому был другом твой отец,

Так что наследной стала наша близость

И должно ей к потомкам перейти

Такою же и даже углубленной...

Итак: что ты задумал, коль бояться

Тебя я должен и укрыться дома

Девицей робкой?

Бертрам

Прекрати вопросы.

Уйти я должен.

Лиони

Я же - быть убитым?

Так ты сказал, любезный мой Бертрам?

Бертрам

Убитым? Что сказал я об убийстве?

Никто о нем не говорил! Неправда!

Лиони

Ты не сказал. Но волчий взор твой, прежде

Мне незнакомый, - он горит, являя

Убийцу! Если жизнь нужна моя

Бери: я безоружен - и беги!

В зависимость я не поставлю жизнь

От прихотливо-милостивых тварей,

Таких, как ты и те, кем ты подослан!

Бертрам

За кровь твою - готов свою отдать я;

За волос твой - я тысячу голов

Поставил ставкой, столь же благородных,

Нет, благородней даже, чем твоя!

Лиони

Ах, даже так? Ну, извини, Бертрам;

Едва ли я достоин быть изъятым

Из этой пышной гекатомбы. Все же

Ответь: _кому_ грозят и кто грозит?

Бертрам

Венеция - самой себе; она ведь

Как бы семья, растерзанная распрей;

И все погибнет завтра - до заката!

Лиони

Ужасным тайнам нет конца!.. Как видно,

Я, или ты, иль оба мы стоим

Теперь над бездной; будь же откровенен

И невредим и славен будешь. Лучше

Спасать, чем резать, да еще в ночи;

Стыдись, Бертрам, не для тебя такое!

Взглянуть бы, как ты пред толпой смятенной

На пику взденешь голову того,
Чье сердце было для тебя открыто!
И это, видно, рок мой, ибо я
Клянусь, какою ни грози ты мне
Опасностью, что я из дома выйду,
Коль не изложишь всех причин и следствий
Того, что привело тебя ко мне.

Бертрам

О, как тебя спасти?! Бегут минуты,
И гибнешь ты! _Ты_, благодетель мой,
В любой беде мой верный друг! О, дай мне
Тебя спасти, изменником не став,
Честь не утратив!..

Лиони

Разве честь у места
В сообществе убийц? И разве можно
Не _государству_ изменить?

Бертрам

Союз наш
Является единством, и для честных
Он тем прочней, что слово им закон;
И думаю, что нет гнусней измены,
Чем внутренняя, та, что нож вонзает
Товарищу доверчивому в грудь.

Лиони

А кто в меня вонзит клинок?

Бертрам

Не я;
Способен я на все - лишь не на это;
Ты должен жить; мне жизнь твоя дороже,

Чем тысячи других, и я рискую
Не только ими - больше: жизнью жизнью,
Свободою потомков, чтоб не быть
Убийцей, как меня клеймишь ты! Вновь
И вновь молю я: за порог - ни шагу!

Лиони

Напрасно молишь: выйду - и не медля.

Бертрам

Так погибай Венеция, - не друг!

Открою все - скажу - предам - разрушу!..

Каким я стал из-за тебя мерзавцем!

Лиони

Ничуть: спасителем страны и друга!..

Ну, говори! Награды, безопасность

Все будет, все, чем дарит государство

Достойнейших своих сынов. Дворянство

И то я гарантирую тебе

За искренность раскаяния.

Бертрам

Нет!

Раздумал я. Я не могу. Тебя я

Люблю, в чем не последняя порука

Приход последний мой. Но, долг исполнив

Перед тобой, - перед страной исполню!

Мы больше не увидимся. Прощай!

Лиони

Ах так?! Антоньо, Педро! Дверь держите,

Чтоб не ушел. Схватить его!

Входят Антонио и другие вооруженные слуги и хватают

Бертрама.

Лиони

Полегче,

Не причинять вреда. Мой плащ и меч,

Гондолу с четырьмя гребцами, живо!

Мы поспешим к Джованни Градениго

И вызовем Корнаро. Ты не бойся,

Бертрам: в насилье этом и твое

И общее спасенье.

Бертрам

Куда же

Меня потащат?

Лиони

Прежде к Десяти,

А после к дожу.

Бертрам

К дожу?

Лиони

Да, конечно:

Ведь он - глава.

Бертрам

С зарей - возможно.

Лиони

Это

Что значит? Но дознаемся!

Бертрам

Уверен?

Лиони

Да, если меры кротости помогут.

А нет - ты знаешь трибунал "Десятки",

И казематы в Санто Марко есть,

И пытки.

Бертрам

Примени их до рассвета:

Он близок. А еще грозить мне будешь

Так сам погибнешь медленной смертью,

Что для меня замыслил.

Возвращается Антонио.

Антонио

Все готово.

Гондола ждет.

Лиони

За пленником следить.

Еще, Бертрам, поговорим при встрече

В Палаццо дожей с мудрым Градениго.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Дворец дожей. Комната дожа.

Дож и его племянник Бертуччо Фальеро.

Дож

Все наши домочадцы налицо?

Бертуччо

Уже в строю и жадно ждут сигнала

В палаццо нашем возле Санто-поло.

Жду приказаний.

Дож

Было бы неплохо

Еще созвать из моего поместья

Валь-ди-Марино наших крепостных

Побольше, но, пожалуй, слишком поздно.

Бертуччо

И к лучшему, мой дож: наплыв нежданный

Вассалов наших вызвал бы тревогу
И подозренья. И крестьяне наши
Хоть и горячи и верны, но и грубы
И склонны к ссорам; им не сохранить бы
Той дисциплины тайной, что нужна,
Покуда мы врага не сломим.

Дож

Верно;

Но грянет лишь сигнал - как раз такие
Нужны бы люди в нашем деле нам.

У городских рабов своя предвзятость:

Приязнь к одним и ненависть к другим

Проявятся то яростью чрезмерной,

То милосердьем пагубным. Крестьяне ж,

Горячие мои вассалы, были б

Вполне покорны графу своему,

Его врагов никак не различая;

Им безразличны Фоскари, Корнаро,

Марчелло, Градениго: не привыкли

Они дрожать, их слыша имена,

Ни гнуть колен перед Сенатом. Воин

В доспехе бранном - вот их сюзерен,

А не фигура в мантии.

Бертуччо

Нас - хватит;

А в ненависти всех бойцов к Сенату

Ручаюсь вам.

Дож

Прекрасно. Жребий брошен.

Но все же в настоящей битве, в поле,

Моим крестьянам поручи меня;
Они впускали солнце в тучу гуннов,
Тогда как звук своих же труб победных
Гнал бледных горожан дрожать в шатрах;
Коль нет отпора, эти горожане
Сплошь - львы, как на знаменах. Но в бою
Серьезном ты, как я, весьма хотел бы
Иметь в тылу железный строй крестьян.
Бертуччо
Дивлюсь, что вы, так думая, рискнули
Ударить вдруг.
Дождь
Удар такой и должно
Вдруг наносить иль никогда. Едва я
Изгнал терзанья ложные и слабость,
Томившие меня, хотя недолго,
Приливом давних и изжитых чувств,
Я поспешил с ударом, чтоб, во-первых,
Вновь не поддаться им, а во-вторых.
Не знал я, можно ль очень полагаться
На верность и отвагу тех людей,
Хоть верю Израэлю с Календаро:
Вдруг кто-нибудь сегодня нам изменит,
Как тысячи вчера Сенату? Если ж
Они _начнут_, в руках согрев эфесы,
Придется им себя спасать. Удар
И в каждом встанет Каин первородный,
Чья воля, затаенная в душе,
До времени обузданная, ринет
Их всех, как волчью стаю. Кровь, блеснув,

Толпе внушает жажду новой крови,
Как первый кубок открывает пир.
Когда _начнут_, поверь, труднее будет
Их сдерживать, чем подстрекать. Покуда ж
Любой пустяк, обмолвка, шорох, тень
Способны их поворотить обратно...
Ночь на исходе?
Бертуччо
Близится рассвет.
Дождь
Тогда пора уже в набат ударить?
Все на местах?
Бертуччо
Теперь должны быть все.
Но я им запретил звонить, покуда
Я сам с приказом не приду от вас.
Дождь
Так... Неужели ж никогда заря
Не сгонит звезд - ишь разблистались в небе!
Спокоен я и тверд; и то усилье,
С которым я мое решенье принял
Оздоровить Республику огнем,
Теперь взбодрило дух мой. Трепетал я,
Рыдал при мысли об ужасном долге;
Но, прочь прогнав бесплодные волненья,
Растущей буре я гляжу в лицо,
Как рулевой с галеры адмиральской.
Но (веришь ли?) мне напряженья больше
Понадобилось, чем когда народы
Свою судьбу читали в близкой битве,

Где я фалангу вел и где на гибель
Шли тысячи!.. Чтоб грязную, гнилую
Кровь выпустить из жил ничтожной горстки
Тиранов чванных - сделать то, чем добыл
Бессмертие Тимолеон, - был нужен
Закал потверже мне, чем посреди
Опасностей и трудностей военных.
Бертуччо
Я счастлив, что былая мудрость ваша
Смирила гнев, терзавший вас, покуда
Вы не решились.
Дожд
Так всегда бывало
Со мной. Встает волнение при первом
Мерцанье замысла, когда страстям
Помехи нет в их власти; но настанет
Час действовать - и я спокоен так же,
Как мертвецы вокруг меня. И это
Известно оскорбителям; они
Рассчитывали на мое уменье
Владеть собой, лишь первый сникнет взрыв.
Они забыли, что порой не ярость,
Не импульс, а холодное раздумье
Из мести доблесть создает. Пускай
Законы спят - не дремлет справедливость;
И месть лица порою к _общей_ пользе
Ведет, и в этом - оправданье мне...
По-моему - светает; да? взгляни:
Глаз юный зорче; утренняя свежесть
Уже слышна, и, кажется мне, море

Сереет сквозь решетку.

Бертуччо

Верно: утро

Уже всплывает в небе.

Дож

Так ступай же.

Пусть бьют в набат немедля, и при первом

Ударе с Марка ко дворцу веди

Все наши силы; здесь я с вами встречу.

И в тот же миг шестнадцать поведут

Сюда свои отряды, каждый порознь:

Но главный вход сам захвати: "Десятку"

Я не могу доверить никому,

А чернь патрицианская насытит

Беспечные клинки подручных наших.

Не забудь наш лозунг: "Санто Марко!

К оружию, люди! Генуэзцы вторглись!

Марк и свобода!" А теперь - начнем!

Бертуччо

До встречи, дядя, в подлинном державстве

И вольности или - нигде! Прощайте.

Дож

Нет, подойди, обнимемся, Бертуччо!

Спеши: светает быстро; поскорее,

Придя к бойцам, уведомя, как дела,

Пришли гонца, а там - пусть буря грянет

Набатов с башен Марка!

Бертуччо Фальеро уходит.

Дож

(один)

Он ушел.
И каждый шаг кому-то стоит жизни.
Свершилось! Ангел смерти воспарил
Над городом и медлит хлынуть гневом.
Как бы орел, что, высмотрев добычу,
На миг повиснет в воздухе, сдержав
Движенья крыл могучих, и потом
Низвергнется и меткий клюв вонзает...
О день, из вод ползущий! Поспеши!
Я не хочу разить во тьме, мне нужно
Не промахнуться. О лазурь морская!
Тебя нередко, видел я, багрила
Кровь гуннов, сарацин
И венецийцев, пусть победоносных.
Беспримесным теперь твой будет пурпур,
Не примирит нас варварская кровь
С твоим ужасным багрецом: погибнут
И враг и друг в междоусобной бойне!
Затем ли жил я восемьдесят лет,
Я, прозванный "спасителем отчизны",
Я, перед кем миллионы шапок в воздух
Летели вдруг и клик десятков тысяч
Молил у бога счастья мне и славы
И долгих дней, - чтоб день такой увидеть?!
Но этот день, с отметой черной, будет
Введением в тысячелетье блеска.
Дож Дандоло жил девяносто лет,
Свергая троны, но венец отвергнув;
И я сложу венец и возрожу
В стране свободу. О! Какой ценою!

Но оправдает все благой конец.
Что капля человеческой крови? Впрочем,
Кровь деспотов - не человеческая: наша
Питает их, Молохов воплощенных,
Пока мы в гроб не кинем их, привыкших
Других в могилы класть!.. О мир! О люди!
Что сами вы и святость ваших целей,
Коль мы должны резней карать злодейство?
Разить, как будто смерть лишь так приходит
И меч не может подождать годок?
Зачем же я с порога рокового
В безвестный мир спешу герольдов слать?..
Прочь мысли эти...
Пауза.
О! Как будто ропот
Далеких голосов? И мерный шаг
Военной маршировки? Или звуки
В ответ желаньям шлют фантомы нам?
Не может быть; сигнал еще не грянул...
Что медлят с ним? Гонец Бертуччо должен
Быть на пути ко мне, а сам племянник
Уже, быть может, на тяжелых петлях
Со скрипом дверь распахивает в башню,
Где колокол, огромный и угрюмый,
Висит - оракул смерти дожа или
Вторжения, - гремя лишь в эти дни
Ужасной вестью. Пусть же он послужит,
Вещая ужас, но - в последний раз
Устои башни потряся!.. Молчит он?
Я вышел бы, но здесь мой пост; я должен

Быть центром разнородных сил, обычных
В таких союзах, охранять единство
И в столкновенье слабых ободрять.
Коль схватке быть, она всего свирепей
Здесь разгорится, во дворце, и, значит,
Здесь должен быть мой пост как вожака.
Вот! Он идет, идет, гонец Бертуччо,
Племянника отважного! Какие
Известия? Он выступил? Спешит он?..
Они!.. Погибло все!.. Но - поборюсь!
Со стражами входит офицер ночной стражи.
Офицер
Ты, дож, мной арестован за измену.
Дождь
Я? Князь твой? За измену? Кто дерзнул
В приказ такой свою укрыть измену?
Офицер
(показывая приказ)
Вот ордер от собранья Десяти.
Дождь
Но где они и почему собрались?
Совет законен, только если дождь
В нем председатель; в этом - долг мой.
Твой же
Дорогу дать мне или проводить
В зал заседанья.
Офицер
Невозможно, герцог:
Совет собрался не в своей палате
В монастыре Спасителя.

Дожд

Итак,

Ты смеешь мне перечить?

Офицер

Государству

Служу я и служить обязан верно;

В моем приказе - воля тех, кто правит.

Дожд

Без подписи моей он незаконен,

А примененный, как теперь, являет

Бунт! Хорошо ль ты цену жизни взвесил

Твоей, борясь за столь мятежный акт?

Офицер

Я действовать обязан, а не спорить,

Я прислан стражем для твоей особы,

А не судьей, чтоб слушать и решать.

Дожд

(в сторону)

Я должен время выиграть; с набатом

Пойдет не то. Спешу, спешу, племянник,

Спешу: судьба трепещет на весах,

И горе побежденным - мне ль с народом,

Сенату ли с рабами...

Звонит большой колокол св. Марка.

О! Гремит!

Гремит! Начальник стражи, слышишь? Вы же,

Наемники, ваш дрогнул жезл продажный?

То ваш надгробный звон. Расти ж, ликуй!

Чем, гады, выкупите жизнь?

Офицер

Проклятье!

С оружием встать у входа! Все погибло,
Коль страшный звон не смолкнет. Офицер
Напутал что-то или вдруг наткнулся
На гнусную засаду. Эй, Ансельмо,
Бери свой взвод и - прямиком на башню.
Всем остальным со мною быть.
Часть стражей уходит.

Дожд

Несчастный!

Коль жизнью подлой дорожишь - моли:
Ей срок теперь не долее минуты,
Да рассылай разбойников твоих:
Им не вернуться.

Офицер

Пусть. Они погибнут,
Как я погибну - исполняя долг.

Дожд

Дурак! Орлу знатней нужна добыча,
Не ты с твоею шайкою. Живи.
Коль смерть сопротивленьем не накличешь,
И (если стерпит темная душа
Сиянье солнца) быть учись свободным.

Офицер

А ты учись быть узником: он смолк
Сигнал измены, гнавший стаю гончих
За их патрицианской дичью. Звон
Был погребальным, но не для Сената!
Колокольный звон прекращается.

Дожд

(после паузы)

Все тихо. Все погибло...

Офицер

Вправду ль я

Бунтарского Сената раб мятежный?

Не выполнил ли долг я?

Дожд

Смолкни, тварь!

Ты цену крови заслужил достойно,

Хозяева тебя вознаградят,

Но прислан ты стеречь, не пустословить,

Как сам сказал; так исполняй же службу,

Но молча, как приличествует. Помни:

Хоть я и пленник твой, но государь.

Офицер

Я не намерен отказать вам в чести,

Присущей рангу. Здесь я повинуюсь.

Дожд

(в сторону)

Теперь осталось лишь одно мне: смерть.

Так близок был успех!.. О, я охотно,

Я гордо пал бы в миг триумфа, но

Так все утратить!..

Входят другие офицеры ночной стражи

с арестованным Бертуччо Фальеро.

Второй офицер

Он схвачен выходящим

Из башни, где, по порученью дожда,

Велел он к мятежу подать сигнал,

В набат ударив.

Офицер

Подступы к дворцу

Надежно ль охраняются? и все ли?

Второй офицер

Все, но теперь в том нет нужды: вожди

Уже в цепях, а кой-кого и судят;

Приверженцы бегут, иных - схватили.

Бертуччо

О дядя!

Дожд

Против рока не пойдешь!

Наш род лишился чести!

Бертуччо

Кто бы мог

Подумать это? На мгновенье раньше б!..

Дожд

Мгновенье то - меняло лик столетий,

А это - шлет нас в вечность. И пойдём,

Как мужи, чей триумф не весь в удаче,

Кто может встать лицом к лицу с любою

Судьбой, не дрогнув. Не томись: он краток,

Миг перехода. Я б один ушел,

Но, так как нас вдвоем отправят, верно,

Умрем достойно предков и себя!

Бертуччо

Я, дядя, вас не устыжу.

Офицер

Синьоры,

Вас охранять приказано мне порознь,

Пока Совет вам не назначит суд.

Дожд

Нам - суд! Они издевку длить решили
До казни? Что ж, их сила; с ними тоже
Разделались бы мы, хоть с меньшей помпой.

Все это ведь игра убийц взаимных:

Смерть - по очкам; но выиграл Сенат
С фальшивой костью. Кто же наш Иуда?

Офицер

Я отвечать не вправе.

Бертуччо

Я отвечаю:

Бертрам какой-то; показанья он
Давать еще не кончил в тайной Джунте.

Дожд

Бертрам, бергамец! Мерзким же орудьем
Мы запаслись для смерти иль победы!
Такая тварь, в грязи двойной измены,
Честь обретет, награды и бессмертье
С гусями римскими, чей гогот поднял
Весь Рим, триумф добыв им ежегодный,
А Манлий, галлов сбросивший, был сам
С Тарпея свергнут...

Офицер

Он хотел изменой
Взять власть над Римом.

Дожд

Рим он спас и думал
Спасенный город преобразовать...
Но это вздор... Синьоры, мы готовы.

Офицер

Прошу пройти, Бертуччо благородный,

Во внутренние комнаты.

Бертуччо

Прощайте,

Мой дядя! Встретимся ль еще - не знаю.

Но, может быть, наш прах соединим.

Дожд

И так же души: им, в полете вольном,

Свершить все то, что бранный, косный прах

Не мог свершить. Не позабудут нас,

Громивших трон преступной тирании,

И - день придет - с нас будут брать пример!

АКТ ПЯТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Зал заседаний Совета Десяти, пополненного по случаю суда над соучастниками крамолы Марино Фальеро несколькими добавочными сенаторами, что составляло так называемую Джунту.

Стражи, офицеры и пр. Израэль Бертуччо и

Филиппо Календаро - подсудимые. Бертрам, Лиони

и другие свидетели и пр. Председатель Совета Десяти

Бенинтенде.

Бенинтенде

Теперь, когда доказаны столь явно

Бесчисленные преступления этих

Злодеев закоснелых, остается

Изречь вердикт. Печальная повинность

Для подсудимых и суда. Увы!

На мне она, и путь служебный мой

В грядущем будет неразрывно связан

С воспоминаньем грязным о гнуснейшей

И сложно разработанной измене
Стране свободы и закона, славной
Твердыне христианства против греков
Еретиков, арабов, диких гуннов
И франков, столь же варварских. Наш город
Дарам индийским путь открыл в Европу;
Для римлян был убежищем последним
От орд Аттилы и, король морей,
Над Генуей надменной торжествует;
И трон такого града подрывала
Злодеев горсть, рискуя подлой жизнью!..
Так пусть они умрут!

Израэль

О, мы готовы:

Нам пытки помогли. Убейте нас.

Бенинтенде

Коль можете сказать нам что-нибудь,

Смягчающее вашу кару - Джунта

Готова слушать; если есть признанья

Мы ждем: они, возможно, вам помогут.

Бертуччо Фальеро

Нам - слушать, а не говорить.

Бенинтенде

Измена

Вполне ясна по показаньям ваших

Сообщников, по всем деталям дела.

Но мы хотим полнейшего признанья

Из ваших уст. Из края страшной бездны

Всепоглощающей - одна лишь правда

Полезна вам и в том и в этом мире.

Итак, что вас подвигло?

Израэль

Справедливость.

Бенинтенде

А цель?

Израэль

Свобода!

Бенинтенде

Слишком кратко, сударь.

Израэль

Так жизнь учила. Ведь воспитан я

Солдатом, не сенатором.

Бенинтенде

Ты вздумал,

Суд раздражив отрывистостью дерзкой,

Решенье оттянуть?

Израэль

О, будьте кратки

Вы так, как я, и верьте: эту милость

Я вашему прощенью предпочту.

Бенинтенде

И это весь ответ?

Израэль

Спроси у дыбы,

Что вырвала она у нас, - иль вздерни

Вторично: кровь еще найдется в жилах,

Найдется боль в изломанных плечах!

Но - не посмеешь: если мы умрем

(А в нас не хватит жизни вновь насытить

Страданьем обожравшуюся дыбу),

Пропал спектакль, которым вы хотите
Пугнуть рабов, чтоб рабство укрепить!
Стон агонии - не слова признанья,
Нет правды в воплях: боль душе велит
Для передышки лгать. Итак, что ж будет:
Вновь пытка? или смерть?

Бенинтенде

Скажи мне: кто

Был с вами в соучастии?

Израэль

Сенат.

Бенинтенде

Что это значит?

Израэль

Спросишь у народа

Несчастливого, кому злодейства знати

Мятеж внушили.

Бенинтенде

Дожа знаешь ты?

Израэль

Да, с ним я Зару брал; когда вы здесь

Чины речами добывали; жизнью

Своей мы рисковали: вы - чужой

И в обвиненьях и в защитах ваших...

Известен дож и славными делами,

И тем что оскорбил его Сенат.

Бенинтенде

С ним совещались вы?

Израэль

Твои вопросы

Меня измучили сильнее, чем пытка!

Прошу ускорить приговор.

Бенинтенде

Успеем.

Что можешь возразить на обвиненье?

Календаро

Я к разговорам не привык; едва ли

Осталось мне добавить что-нибудь.

Бенинтенде

Когда мы вновь к тебе применим дыбу,

Изменишь тон!

Календаро

О да, весьма возможно:

И первой это удалось, но только

Тон изменился, не слова. Но впрочем...

Бенинтенде

Что?

Календаро

Придает значение закон

Признаниям под пыткой?

Бенинтенде

Несомненно.

Календаро

Кого бы я ни обвинил в измене?

Бенинтенде

Конечно; он предстанет пред судом.

Календаро

И этот оговор его погубит?

Бенинтенде

Когда признание полно и подробно,

То смерть оговоренному грозит.

Календаро

Так берегись же, гордый председатель!

Я вечностью, разверстой для меня,

Клянусь - тебя, лишь одного тебя

Изменником изобличить под пыткой,

Коль вновь я буду вздернут!

Один из Джунты

Председатель!

Не лучше ль приговор определить?

У этих ничего мы не добьемся.

Бенинтенде

Несчастье! Готовьтесь к близкой смерти.

Злодейства ваши, наш закон, угроза

Для всей страны - не позволяют медлить.

Конвой! Сведи их на красноколонный

Балкон, откуда дож на бой быков

Глядит в четверг на масленой, и там

Предать возмездью. Пусть на месте казни

Останутся трепещущие трупы

Народу напоказ! Да снизойдет

Господня милость к душам их!

Джунта

Аминь!

Израэль

Прощайте же, синьоры! Не придется

Сойтись нам вновь!

Бенинтенде

И, чтоб они не стали

Мятежную толпу мутить пред казнью,

Заткнуть им рты заранее! Конвой,

Веди их.

Календаро

Как! Нам даже не дозволят

С друзьями попрощаться? Завещанье

Оставить исповеднику?

Бенинтенде

Священник

Ждет вас в передней. А насчет друзей

Им тяжело прощаться с вами; вам же

Нет в этой встрече пользы никакой.

Календаро

Нам рот всю жизнь, я знаю, затыкали,

Хотя бы тем, кто были слишком робки,

Чтоб думать вслух, рискуя жизнью; но

Не знал я, что и в смертный миг отнимут

У нас ту жалкую свободу слова,

Какая умирающим дана!

И все же...

Израэль

Пусть идут своей дорогой!

Что пользы в нескольких словах? А гибель

Почетней без поблажек палача!

И громче наша кровь возопиет

К благому небу, жалуясь на них,

На их свирепость, чем могли бы томы

Записанных предсмертных наших слов!

Им страшен голос наш, но им, поверь,

Страшней молчанье наше! Пусть трепещут!

Их мысли - с ними; наши мысли - к небу

Мы вознесем!.. Ведите, мы готовы.

Календаро

Когда б меня ты слушал, Израэль,
Не так бы все пошло и трус тот бледный,
Подлец Бертрам...

Израэль

Не нужно, Календаро!

Зачем теперь об этом рассуждать?

Бертрам

Ах, если б вы со мною примирились
Пред смертью! Я ведь не хотел - сломили!
Простите мне, хоть сам себе вовек
Я не прощу! О, не смотрите гневно!

Израэль

Умру, простив тебя.

Календаро

(плюет на Бертрама)

Умру - прокляв!

Уходят Израэль Бертуччо, Филиппо Календаро, стража и др.

Бенинтенде

Теперь, покончив с этими двумя
Преступниками, перейдем к суду
Над величайшим в летописях наших
Предателем - Фальеро, нашим дожем!
Все ясно и доказано, но с делом
Такого рода мы должны спешить.
Ввести его, чтоб выслушал решение?

Джунта

Да, да!

Бенинтенде

Авогадоры! Дожа к нам
Распорядитесь привести.
Один из Джунты
А прочих
Когда судить?
Бенинтенде
Потом, когда покончим
С вождями. Многие бежали к Кьоццу,
Но тысячи им посланы вдогонку;
На островах и на материке
Все меры приняты, чтоб за границу
Никто не ускользнул бы с клеветой
Изменнической на Сенат высокий.
Входит дож, окруженный стражами.
Бенинтенде
Дожд (по закону все еще вы дож
До той поры, когда тиару дожа
Сорвут с главы, что не умела с честью
Носить убор, славнейший всех корон),
Вы заговор замыслили злодейский,
Чтоб ниспровергнуть равных вам, кто вас
Возвел на трон, и утопить в крови
Родную славу!.. Дожд, авогадоры
В покоях ваших предъявили вам,
По нашему приказу, все улики;
Столь много их, что ни один изменник
На очной ставке пред такую тенью
Кровавой не стоял! В свою защиту
Что скажете?
Дожд

Что говорить, когда

Моя защита - обвиненье вам?

Злодеи - вы, но вы и прокуроры,

И судьи вы, и палачи. Власть ваша,

И действуйте.

Бенинтенде

Да: так как ваши все

Сообщники признались - нет надежды.

Дожд

А кто они?

Бенинтенде

Их много; вот вам первый,

Стоящий перед вами и судом,

Бертрам, бергамец. Есть к нему вопросы?

Дожд

(с презрительным взглядом)

Нет.

Бенинтенде

Два других: Филиппо Календаро

И Израэль Бертуччо подтвердили

Свое участие в заговоре вашем.

Дожд

А где они?

Бенинтенде

На должном месте: держат

Ответ пред небом за дела земные.

Дожд

Ах, значит, умер он - плебейский Брут?

И быстрый Кассий арсенала? Как же

Был ими встречен приговор?

Бенинтенде

О вашем

Подумайте, он близок. Ну? защита?

Дожд

Пред низшими не стану защищаться!

И вам я не подсуден. Где закон?

Бенинтенде

В столь чрезвычайных случаях мы вправе

Любой закон поправить и дополнить.

Да, наши предки не предусмотрели

Таких злодейств, - как древний Рим забыл

В своих таблицах указать возмездье

Отцеубийцам; предки не карали

Вину, о коей не было и мысли

В великих душах. Кто предвидеть мог бы,

Что вопреки природе посягнет

Сын на отца и князь на государство?

Злодейство ваше породит закон,

Опасный для предателей высоких,

Изменой восходящих к самовластью,

Которым мало скипетра, покуда

В двуострый меч не превратится он!

Вам не довольно было трона дожд?

И власть над всей Венецией мала?

Дожд

Власть над Венецией!.. Да это _вы_

Предатели! _Вы, вы_ мне изменили!

Я, равный вам по крови, выше вас

По сану и делам, оторван вами

От дел моих высоких в дальних странах,

В морях, на поле брани, в городах
И жертвой, венценосной, но бессильной,
Закованной, на тот алтарь повергнут,
Где вы - жрецы! Не знал, не жаждал я,
Во сне не видел вашего избранья!
Я в Риме был тогда; я подчинился,
Но, воротясь, нашел, помимо зоркой
Ревнивости, с которой вы привыкли,
Смеясь, мешать благим мечтам князей,
Проделанную вами в дни межвластья,
Пока в столицу ехал я, урезку
И искаженье жалких прав, какие
Остались дожу! Это все я снес
И впредь сносил бы. если б мой очаг
Запятнан не был вашей клеветой.

А клеветник - вот он, средь вас, достойный
Судья в суде таком!..

Бенинтенде

(прерывая его)

Микеле Стено

Член Сорока; находится он здесь
По должности. Советом Десяти
Приглашены сенаторы на Джунту,
Чтоб нам помочь в суде, столь небывалом
И трудном. Он освобожден от кары,
Ему назначенной, поскольку дож
Кто должен быть защитником закона,
Но сам его хотел попать - не вправе
Другим искать возмездья по статутам,
Какие сам отверг и осквернил!

Дожд

Ему возмездья! Легче мне, что здесь он
Сидит, среди вас, мою смакую гибель,
А не под издевательским арестом,
Что подлый, лживый, лицемерный суд
Назначил карой! Грязь его вины
Сиянье рядом с вашею заступой!

Бенинтенде

Но как возможно, что великий дожд,
Три четверти столетья знавший только
Почет, позволил, точно мальчик пылкий,
Чтоб ярость одолела в нем все чувства,
Страх, мудрость, долг - из-за такого вздора,
Как дерзость раздраженного юнца?

Дожд

От искры пламя вспыхнет, и от капли
Прольется кубок; мой же - полон был:
Вы угнетали и народ и князя.
Обоим ждал свободы я, обоих
Сгубил. А будь успех - была бы слава,
Победа, мщенье и такое имя,
Что спорить бы Венеция могла
С историей Афин и Сиракуз
В дни их свободы прежней и расцвета,
А я - с Гелоном или Фразибулом!
Я проиграл; за проигрыш расплата
Теперешний позор и смерть. Но время
Рассудит все - в свободной иль в погибшей
Венеции; тогда - увидят правду!
Не медлите! Пощады не ищущ я,

Как не дал бы! В игре рискнул я жизнью
И проиграл; берите ж: я бы взял!
Стоял бы я меж вашими гробами;
Вкруг моего столпитесь - растоптать,
Как вы, при жизни, сердце мне топтали!

Бенинтенде

Итак, признались вы? и, значит, суд наш
Был справедлив?
Дожд
Признал я неудачу;
Фортуна - женщина; ее дарами
Был с юности осыпан я; мой промах
В том, что, старик, былым улыбкам верил.

Бенинтенде

Так нет сомнений в нашем беспристрастье?
Дожд
Патриции! Достаточно вопросов!
Готов я к худшему, но кровь не вовсе
Во мне остыла, я не одарен
Терпением. Прошу вас: прекратите
Допрос дальнейший, превратить грозящий
Суд в словопренье. Каждый мой ответ
Вам будет оскорбителен - всем вашим
Бесчисленным врагам на радость. Правда,
Нет эха у суровых этих стен,
Но уши - есть; и есть язык; и если
Один у правды путь - сквозь них прорваться,
То вы, боясь меня, судя, казня,
Вы сами в гроб все доброе и злое,
Что я скажу, безмолвно не снесете:

Груз тайны этой не для ваших душ;
Пускай уснет в моей, чтоб вам избежать
Двойной грозы, коль меньшая прошла.
Желая дать размах защите, так бы
Ее повел я: ведь _слова - дела!_
А слово смертника вдвойне живуче
И мстит порой; так бросьте в гроб мое,
Коль пережить меня хотите, - вот мой
Совет! Вы часто гнев мой возбуждали
При жизни, дайте ж мирно умереть.
Молю. Не защищаюсь, не борюсь я,
Прошу лишь о молчанье для себя
И жду решенья.
Бенинтенде
Полнота признанья
Снимает с нас тяжелую повинность
Прибегнуть к пытке, чтоб добиться правды.
Дожд
Что пытка! Вы меня вседневной пытке
Подвергли, сделав дождем. Добавляйте ж
Терзанья плоти: дряхлая - уступит
Тискам железным; но в душе найдется,
Чем утомить машины ваши все!
Входит офицер.
Офицер
Высокие синьоры! Догаресса
Желает быть на заседание Джунты.
Бенинтенде
Отцы сенаторы, вы разрешите?
Один из Джунты

Она, быть может, с важным сообщеньем

Пришла, и мы поступим справедливо,

Приняв ее.

Бенинтенде

Нет возражений?

Все

Нет.

Дожд

Сколь он хорош, закон венецианский!

Впустить жену, надеясь, что она

Свидетельствовать будет против мужа!

Какая честь для чистых наших дам!

Но им, сидящим тут, марасть привычно

Честь каждого - и как не внять признанью?

Ну, гнусный Стено, коль жена предаст,

Прощу и ложь тебе, и суд пристрастный,

И казнь мою, и жизнь твою в грязи!

Входит догаресса.

Бенинтенде

Синьора, как ни странна ваша просьба,

Наш правый суд ей внял и терпеливо

Вас выслушает с должным уваженьем

К вам лично, к рангу вашему и к роду,

Какая вас ни увлекала б цель.

Но вы бледнеете... Эй, там, к синьоре!

Скорее кресло!

Анджолина

Слабость на мгновенье...

Прошло... Прощу простить, но я не сяду

В том помещенье, где мой государь

И мой супруг стоит.

Бенинтенде

В чем ваша просьба?

Анджолина

Зловещий слух, - но верный, если правда

Все, что я вижу, - до меня донесся,

И я пришла с решимостью узнать

Все худшее. Простите, что врываюсь.

И если... не могу сказать... вопрос мой...

Но вы уже ответили безмолвно,

Взор отворачив и сумрачно склонясь!

О боже мой! Здесь тишина могилы!

Бенинтенде

(после паузы)

Избавь себя и нас от называнья

Ужасной нашей, но неотвратимой

Повинности пред небом и людьми!

Анджолина

Ответь! Не верю, нет, невероятно!..

Он осужден?

Бенинтенде

Увы!

Анджолина

И он преступен?

Бенинтенде

Синьора! Лишь понятное смятенье

Всех ваших мыслей извиняет вам

Вопрос ваш; а иначе недоверьем

Глубоко оскорбили б вы верховный

И правый суд. Спроси у дожа! Если

Отвергнет он улики, можешь верить,

Что он, как ты сама, безгрешен.

Анджолина

Да?

Муж мой! Мой князь! Друг бедного отца!

В боях могучий и в Совете мудрый!

Пусть он возьмет слова назад! Молчишь?

Бенинтенде

Пред нами он свою вину признал

И, видишь, пред тобой не отрицает.

Анджолина

Но не умрет он! Старца пощадите,

Чью жизнь к неделям боль и стыд сведут!

Сотрет ли день злоумыслов бесплодных

Шестнадцать люстров, полных славных дел?

Бенинтенде

Наш приговор исполнится немедля

И несмягченным - таково решенье.

Анджолина

Его - вина, но ваше - милосердье.

Бенинтенде

Оно неправосудно здесь.

Анджолина

Синьор!

Кто правосуден только, тот жесток!

Будь правый суд для всех, казнили всех бы.

Бенинтенде

Но казнь ему - спасенье государству.

Анджолина

Как подданный, служил он государству,

Ваш генерал, спасал он государство,

Ваш суверен, он ведал государство.

Один из Совета

Он, как изменник, предал государство.

Анджолина

Не будь его, где было б государство?

Что было б рушить иль спасать? И вы,

Кем на смерть обречен освободитель,

Стонали б на галерах мусульманских,

Бряцали б цепью в гуннских рудниках!

Один из Совета

Здесь есть такие, что умрут, синьора,

Но жить не станут в рабстве.

Анджолина

Если здесь

И есть такие, ты - не в их числе:

Кто мужествен, тот милосерден к павшим...

Что ж, есть надежда?

Бенинтенде

Нет и быть не может.

Анджолина

Ну, если так, тогда умри, Фальеро!

Умри, не дрогнув, старый друг отца!

Виновен ты в великом преступленьи,

Но зверством их ты обелен почти.

Я б их просила, умоляла б их,

Я клянчила б, как нищий клянчит хлеба,

Вопила бы, как им вопить пред богом,

Который им их милостью воздаст,

Будь нам с тобой пристойно это или

Не возвещай суровость глаз холодных,
Что в сердце судей - беспощадный гнев!
Прими ж удел твой, как пристойно князю!

Дожд

Я вдоволь жил, чтоб научиться смерти!

Твои ж мольбы пред этими людьми

Лишь стон овечки перед мясником

Иль в бурю крик матросов; я не взял бы

И вечной жизни от злодеев этих,

Чей гнет чудовищный хотел я снять

Со стонущих народов!

Микель Стено

Только слово

К вам, дожд, и к этой благородной даме,

Кого я тяжко оскорбил. О, если б

Я мог стыдом, печалью, покаяньем

Стереть неумолимое бывшее!

Но - невозможно! Так простимся ж кротко,

По-христиански: сокрушенным сердцем

Молю вас - не простить, но пожалеть

И шлю за вас, пусть робкие, молитвы!

Анджолина

Судья верховный, мудрый Бенинтенде,

Прими ответ мой этому синьору,

Пусть грязный Стено знает, что слова

Его могли на миг вложить в меня,

В дочь Лоредано, жалость - и не больше

К таким, как он. Дай бог презренью прочих

Быть столь же кротким! Честь мою ценю я

Дороже сотни жизней, если б их

Прибавили к моей, но не хотела
Одну чужую погубить за то,
Что осквернить нельзя, - за чувство чести,
Которому не мнение других,
Не слава, а оно само награда!
Мне клевета - не более чем ветер
Скале, но есть чувствительнее души,
Увы! для них подобные слова,
Как вихрь для вод; для этих душ бесчестье
И даже тень его страшней, чем гибель
Здесь и за гробом; люди, чей порок
Дрожать перед насмешкою порока;
Кто, устояв пред зовом наслаждений,
Под гнетом горя, вдруг слабеет, если
На имя гордое, на эту башню
Надежд ложится тень; они ревнивей
Орла к высотам светлым... Пусть же все,
Что видим здесь, и чувствуем, и терпим,
Отучит раздраженных негодяев
Тех задевать, кто выше их. Порою
Льва мошкара безумит; рана в пятку
Повергла в смерть храбрейшего из храбрых;
Позор жены повлек паденье Трои;
Позор жены царей изгнал из Рима;
Муж оскорбленный предал Клузий галлам,
Что вслед за тем сломили было Рим;
Бесстыдный жест Калигулу убил,
Хотя весь мир сносил его жестокость;
Обида девы маврам отдала
Испанию; две лживых строчки Стено

Здесь каждого десятого сгубили,
Чуть не сгубив Сенат восьмисотлетний,
Тиару с дожа сняли - с головой,
Цепей добавив скорбному народу!
Пусть он гордится, жалкий негодяй,
Как та блудница, сжегшая Персеполь,
Такая слава для него как раз!
Но пусть, навязывая нам молитвы,
Не оскорбляет он предсмертный час
Того, кто _был_, кем бы ни стал, героем!
Добра не ждать из родника такого;
Нам он не нужен ни теперь, ни впредь;
Пусть он живет с самим собою - с бездной
Падения. Прощают человека,
Но не змею. Прощенья нет для Стено
И гнева нет. Такие только жалят,
А высшие страдают - вот закон.
Ужаленный гадюкой, умирая,
Раздавит гада, но без чувства злобы:
Он должен жалить; а иные души
Такие ж гады, как могильный червь!
Дож
(к Бенинтенде)
Синьор! Кончайте то, что мните долгом.
Бенинтенде
Сейчас; но прежде просим догарессу
Покинуть зал: ей будет слишком тяжело
Присутствовать и слушать.
Анджолина
Да, я знаю;

Но все должна я вынести: ведь в этом
Мой долг. И только силою меня
Отторгнут от супруга! Приступайте!
Не бойтесь криков, слез и вздохов; сердце
Разбиться может, но безмолвно; знаю,
Что все перенесу! Читай!

Бенинтенде
Марино
Фальеро, дож Венецианский, граф
Валь-ди-Марино и сенатор, в прошлом
Командующий армией и флотом,
Патриций, многократно облеченный
Доверьем государства вплоть до высшей
Магистратуры, - слушай приговор!
Изобличенный множеством свидетельств,
Уликами и собственным признанием
В предательстве, в измене государству
Неслыханной, ты осужден на смерть.
Твои владенья отойдут в казну,
А имя будет вычеркнуто всюду,
И лишь при благодарственных молебнах
За дивное спасенье наше - вспомнят
Его в календарях, с чумою рядом,
С землетрясением, с внешними врагами,
С дьяволом, чтоб милость божью славить,
Укрывшую и родину и нас
От лютой твоей. То место, где бы
Как дож ты был изображен в соседстве
С прославленными дожами, оставят
Пустым, задернув траурным покровом

С такую скорбной надписью на нем:

"Hic locus est Marini Falieri,
Decapitati pro criminibus" {*}.

{* "Здесь - место Марино Фальеро,
обезглавленного за преступления" (лат.).}

Дож

"За преступленья". Пусть, но все напрасно:

Позорный мрак над именем моим,
Что должен скрыть мои черты, притянет
Глаза людей властней, чем сто портретов
Соседних, с их мишурным блеском, - ваших
Рабов покорных, палачей народа!

"За преступленья обезглавлен". Спросят:

А в чем они? Не лучше ль их назвать,
Чтоб зритель мог, на правду опираясь,
Их оправдать или понять хотя б?!

Дож - заговорщик! Почему?! Пусть люди
Узнают это. Вам ли прятать вашу
Историю?

Бенинтенде

Ответит время. Внуки

Пусть наш оценят приговор. И вот он:
Как дож, в порфире и в тиаре, ты
Прошествуешь на лестницу Гигантов,
Где ты и все князья венчались властью,
И там, где дож берет венец впервые,
С тебя венец впервые сдернут и
Отрубят голову. И милость неба
С тобой да будет!

Дож

Так решила Джунта?

Бенинтенде

Да, так.

Дож

Ну что ж!.. А казнь когда?

Бенинтенде

Немедля.

И с богом примириться поспеши:

Ты через час уже пред ним предстанешь.

Дож

Я с ним уже: он раньше кровь увидит

Мою, чем души палачей моих...

Все земли конфискуете?

Бенинтенде

Да, все,

И движимость, и ценности; оставим

Две тысячи дукатов: завещаю их.

Дож

Жестокость! Я желал бы сохранить

Поместье близ Тревизо, что Лаврентий,

Ченедский граф, епископ, дал мне в лен

Потомственный, - чтоб завещать его

(Мои владенья в городе, дворец

И ценности предоставляю фиску)

Моей супруге и родне.

Бенинтенде

Родня

Прав лишена; в ней старший, твой племянник,

Сам под угрозой смерти, хоть Совет

Отсрочил суд над ним покуда. Если ж

Хлопочешь ты о догарессе вдовой,

Не бойся: не обидим!

Анджолина

Я, синьоры,

Добычи вашей не возьму! Отныне

Себя я посвящаю только богу

И кров найду в монастыре.

Дожд

Идем!

Ужасным будет час, но он пройдет...

Чего мне ждать еще, помимо смерти?

Бенинтенде

О, ничего! Покайся и умри.

Священник в облаченье, меч отточен,

И оба ждут. Но только не надейся

Поговорить с народом: много тысяч

Уже столпилось у ворот, но мы

Их заперли. Авогадоры, Джунта,

Мы, Десять, и старшины Сорока

Одни увидят рок твой. С этой свитой

Прошествоует на место казни дожд.

Дожд

Дожд?!

Бенинтенде

Дожд. Ты жил и должен умереть

Как государь. Покуда не настанет

Последний, смертный миг твой, голова

С тиарой дожда будет нераздельна.

Лишь ты забыл достоинство твое

В союзе с бунтом черни, но не мы:

В тебе мы и на плахе видим князя.
Твои друзья презренные погибли
Собачьей или волчьей смертью; ты же
Как лев падешь в кругу ловцов, хранящих
Высокое сочувствие тебе,
Жалеющих о неизбежной смерти
Того, чей гнев был царственно свиреп.
Теперь - иди, готовься, но не медли;
Тебя мы сами отведем туда,
Где мы тебя впервые окружили
Как твой Сенат. И там, на том же месте,
С тобой навек простимся мы. Конвой!
Сопутствуй дождю до его покоев.
Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Покои дожа.
Дождь под стражей и догаресса.
Дождь
Теперь, когда священник удалился,
Тянуть не стоит жалкие минуты.
Еще надрыв - прощание с тобой,
И высыплю последние песчинки
Подаренного часа. Я покончил
Со временем.
Анджолина
Увы! И я была
Причиною всего, хотя невольной;
Наш черный брак, наш траурный союз,
Тобой отцу обещанный на смертном
Его одре, смерть предрешил твою.

Дожд

О нет; во мне самом таилось нечто,
Грозившее великой катастрофой;
Дивлюсь, что медлила она, хотя
Ее мне предсказали.

Анджолина

Предсказали?

Дожд

Уже давно - настолько, что не помню,
Но в летописях есть об этом, - я
Еще был молод - и служил Сенату
Как подеста и комендант в Тревизо.
В день праздника медлительный епископ,
Что нес дары святые, пробудил
Мой безрассудный юный гнев нелепой
Медлительностью и ответом чванным
На мой упрек. И я его ударил,
Так что упал он со святою ношей.
Встав, он воздел трепещущую руку
В благочестивом гневе к небесам
И, указав на выпавшую чашу,
Сказал мне, обратясь: "Настанет миг,
И бог, тобой повергнутый, повергнет
Тебя; твой дом покинет слава; мудрость
Исчезнет из души твоей; в расцвете
Всех сил ума владеть тобою станет
Безумье сердца; страсти обуяют
Тебя тогда, когда в других они
Молчат иль мягко сходят в добродетель;
Величие, краса других голов

Сойдет к твоей, чтоб снять ее; почет
Твое паденье возвестит, седины
Твой срам, и общим результатом - смерть,
Но не такую, что прилична старцу!"
Сказав, ушел он. Этот час настал.

Анджолина

Но как же ты, с таким предупреждением,
Рок не пытался отворотить, хотя бы
Епитимью отбыв за свой поступок?

Дожд

Слова, сознаюсь, мне запали в сердце.

Так что нередко в суматохе жизни
Я вспоминал их - некий призрак звука,
Вливавший дрожь в мои больные сны.

Я каялся; но не в моей природе
Идти назад: что быть должно, то будет,
И - не боялся я. И даже больше:

Ты помнишь, - да и все об этом помнят,
В тот день, когда из Рима прибыл я
Уже как дожд, туман необычайный,
Невиданный пред "Буцентавром" встал,
Как облачный тот столп, что из Египта
Евреев уводил, и кормчий, сбившись,
Привел корабль не к Рива-делла-Палья,
Как надо было, а к святому Марку,
К той колоннаде, где казнят обычно
Преступников, - и там сошли мы. Вся
Венеция была потрясена
Зловещим этим предзнаменованием.

Анджолина

Ах, бесполезно вспоминать об этом

Теперь.

Дожд

Я все же радуюсь при мысли,

Что это все - веленья Рока: легче

Богам поддаться, а не людям; лучше

Уверовать в судьбу, а в этих смертных,

По большей части жалких, точно прах,

И столь же слабых, видеть лишь орудье

Верховных сил. Ведь сами по себе

Они не годны ни на что; не им

Быть победителями человека,

Кто побеждал для них.

Анджолина

Свои минуты

Последние, отдай иным порывам,

Смягчись и, примиренный даже с ними,

С презренными, на небо возлети.

Дожд

Я примирен уверенностью твердой,

Что день придет - и дети их детей,

И этот гордый град в лазури водной,

И все, на чем их власть и блеск держались,

Все станет разореньем и проклятьем,

И новые под свист народов рухнут

Тир, Карфаген, приморский Вавилон.

Анджолина

Так говорить не время; буря страсти

И в смертный миг тебя стремится!

Не обольщайся: ты врагам безвреден.

Дожд

Я - в вечности уже, гляжу я в вечность,
И так же ясно, как в последний раз
Столь нежное твое лицо я вижу,
Я вижу дни, о коих говорю,
Судьбу вот этих стен, объятых морем,
И всех, кто в стенах!

Страж

(выступая вперед)

Дожд венецианский,
Прошу вас: Десять ожидают ваше
Высочество.

Дожд

Прощай же, Анджолина!
Последний поцелуй!.. Прости мне, старцу,
Мою любовь, столь роковую; память
Люби мою; я не просил бы столько,
Живя, но ты теперь смягчиться можешь,
Дурных во мне уже не видя чувств.
К тому ж плоды всей долгой жизни - славу,
Богатство, имя, власть, почет - все то,
Что возвращает даже на могилах
Цветы, - утратил я! Нет ничего
Ни дружбы, ни любви, ни уваженья,
Что хоть бы эпитафию могло
Исторгнуть у родни тщеславной! В час я
Жизнь вырвал с корнем прошлую; изжито
Все! Только сердце чистое твое
И кроткое осталось мне; и часто
Оно, храня безмолвную печаль...

Как ты бледнеешь!.. Ах, она без чувств!

Не дышит!.. Пульса нет!.. Конвой! на помощь!

Я не могу ее оставить... Впрочем,

Так лучше: вне сознания нету мук.

Когда она из мнимой смерти встанет,

Я буду с Вечным. Кликните служанок.

Еще взглянуть! Как лед рука! Такой же

Быть и моей, когда очнешься!.. Будьте

С ней бережны; спасибо! Я готов.

Входят служанки Анджолины и окружают бесчувственную

госпожу. Дож и стража уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Двор во Дворце дожей. Внешние ворота заперты, чтобы не проник народ.

Входит дож в парадном облачении, сопровождаемый Советом

Десяти и другими патрициями, в соупутствии стражи,

пока процессия не достигает верхней площадки лестницы Гигантов,

где дожи приносят присягу. Палач уже находится там со своим мечом.

По прибытии председатель Совета Десяти снимает дожескую тиару с головы дожа.

Дож

Дож стал ничем, и я опять - Марино

Фальеро наконец; приятно быть им,

Хоть на минуту. Здесь я был увенчан

И здесь же - бог свидетель! - с облегченьем

Снимаю этот роковой убор,

Сияющую погремушку эту,

Безвластия насмешливый венец.

Один из Десяти

Дрожишь, Фальеро?

Дожд

Старческая слабость.

Бенинтенде

Фальеро! Нет ли у тебя к Сенату

Просьб, согласуемых с законом?

Дожд

Что же:

О милости к племяннику прошу,

О справедливости к жене; ведь смертью,

Такою смертью, думаю, сквитался

Я с государством.

Бенинтенде

Мы уважим просьбу,

Хотя твоя неслыханна вина!

Дожд

Неслыханна! Да, тысячи владык

В истории злоумышляли против

Народа! За свободу же его

Погиб один лишь и один погибнет.

Бенинтенде

И кто они?

Дожд

Спартанский царь и дожд

Венецианский: Агис и Фальеро!

Бенинтенде

Что хочешь сделать иль сказать еще?

Дожд

Могу ль я говорить?

Бенинтенде

Ты можешь; помни,
Однако, что народ - за воротами
И голос твой к нему не долетит.
Дождь
Я воззову ко Времени, не к людям,
И к Вечности, уже причастный к ней.
О вы, стихии, в коих растворюсь я,
Пусть голос мой как дух над вами реет;
Ты, синий вал, стремивший флаг мой; ветер,
Любовно им игравший, надувая
Крылатый парус, что летел к победам
Бесчисленным; ты, родина, которой
Дарил я кровь мою, и ты, чужбина,
Что эту кровь из щедрых ран пила;
Вы, плиты, кровь с которых, не всосавшись,
Взойдет горе; ты, небо-восприемник;
Ты, солнце, факел этой казни; ты,
Кто зажигает или гасит солнца!
Глядите! Я - виновен. А они
Безвинны?! Гибну я; но мщение - будет!
Грядущие века встанут из бездны
Явить моим глазам, еще открытым,
Что станет с гордым градом, над которым
Вовек виси проклятие мое!
Да, зреет втайне день, когда ваш город,
Твердыня, отогнавшая Аттилу,
Падет - и подло, без борьбы падет
Перед Аттилою-ублюдком, меньше
Потратив крови на свою защиту,
Чем эти жилы пролили в боях

И здесь прольют в миг казни. Продадут
Его и купят, и с презреньем на него
Воззрит владелец. Станет он уездом,
Империи ничтожным городком,
С Сенатом раболепным, с нищей знатью,
Со сводниками вместо горожан.
Когда еврей в твои дворцы проникнет,
Венеция, и гунн в твои приказы,
И грек на рынки, усмехаясь втайне;
Когда на узких улицах патриций
Заклянчит хлеба, выставляя титул,
Чтоб вызвать жалость к мерзкой нищете,
А кучка тех, кто сохраняют обломки
Наследных благ, придет вилять хвостом
Пред варваром-наместником - на месте,
Где их отцы блистали, государи,
Где их отцы казнили государя;
Когда с гербом, что сами запятнали,
С прабабкою распутной, что гордилась,
Блудя с плечистым гондольером или
С наемником, - они триумф позора
Сквозь три звена ублюдков пронесут;
Когда их всех, рабов презренно-падших,
Подарит победитель побежденным,
И трусы в них двойную трусость презрят,
И сверхпорочный презрит в них пороки,
Чью грязь и мерзость ни единый кодекс
Не нарисует и не назовет;
Когда от Кипра, что теперь подвластен,
Последней данью к дочерям твоим,

Честь позабывшим, отойдет распутство,
Чтоб их разврат в поговорку вошел;
Когда весь тлен земель поработанных
В тебя вползет: порок без блеска, грех,
Где нет намека на любовь, но только
Привычный грубый блуд, разврат бесстрастный
И холодно изученная похоть,
Искусно извратившая природу;
Когда все это ляжет на тебя
И скучный смех, безрадостные игры,
Без чести юность, без почета старость,
Скорбь, скудость, слабость, с которыми в борьбу
Не вступишь ты, роптать - и то не смея,
Тебя в последний из задворков мира
Преобразят, - тогда, сквозь агонию,
Средь всех убийств, мое припомни ты!
Ты, логово пьянчуг, что пьяны кровью
Князей! Геенна вод! Содом приморский!
Богам тебя я предаю подземным!
Тебя и род змеиный твой!
(Поворачиваясь к палачу.)
За дело,
Ты, раб! Руби, как я рубил врагов!
Как деспотов рубил бы я! Сильней
Как проклял я! Руби - одним ударом!
Дождь сам опускается на колени, и, когда палач заносит меч,
занавес падает.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Площадь и площадка у св. Марка. Толпа народа
у решетчатых ворот Дворца дождей. Ворота заперты.

Первый гражданин

Ну, у ворот я!.. Вижу, вижу: Десять

В парадных платьях окружили дожа.

Второй

Как ни толкаюсь, не могу пробиться!

Что там? Хотя б услышать что-нибудь,

Когда глядеть нельзя народу, кроме

Тех, кто добрался до самой решетки.

Первый

Один подходит к дожу: вот снимает

Тиару с головы его; а он

Возводит к небу острый взор; я вижу

Глаза блестят и шевелятся губы.

Тшш!.. Только шепот... Далеко - проклятье!

Не слышно слов, но голос нарастает.

Как дальний гром. Ах, если б разобрать

Хотя бы фразу!

Второй

Тише! Может быть,

Уловим звук.

Первый

Нет, ничего не выйдет,

Не слышу. О, как волосы седые

По ветру плещут, будто пена волн!

Вон, вон - пал на колени он, и все

Сомкнулись вокруг, все скрыли; о, я вижу:

Меч в воздухе сверкнул! Ах, он упал!

Народ ропщет.

Третий

Итак - убит он, несший нам свободу!

Четвертый

С простым народом был всегда он добр!

Пятый

Умны они, что заперли ворота!

Знай мы заранее, что готовят, - мы бы

С оружием сюда пришли, взломали б

Решетки!

Шестой

Ты уверен, что он мертв?

Первый

Я видел меч упавший. Эй, что это?

На балконе дворца, выходящем на площадь св. Марка, появляется

председатель Совета Десяти с окровавленным мечом

и трижды потрясает им над народом.

Председатель

Возмездие свершилось над великим

Изменником!

Ворота распахиваются; народ устремляется к лестнице Гигантов,

где состоялась казнь; передние кричат отставшим.

Голоса

Скатилась голова

Кровавая по лестнице Гигантов!

Занавес падает.

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые - Марино Фальеро. Лондон, Меррей, 1821 (вместе с поэмой "Пророчество Данте").

Трагедия "Марино Фальеро" была начата в апреле 1820 года, завершена в июле этого же года; на рукописи, отосланной Меррею, окончательная дата автора: 16-17 августа 1820 года.

Байрон задумал написать трагедию о Марино Фальеро в первый же год пребывания в Венеции. В письме от 25 февраля 1817 года, то есть тогда, когда "Манфред" был уже в основном, завершен, поэт просит своего издателя Меррея переписать и срочно выслать описание заговора Марино Фальеро из книги Джона Мура "Обзор общества и нравов в Италии" (см. ниже прим. к стр. 55). Свою просьбу Байрон объясняет тем, что не может в книгах итальянских историков найти мотивов заговора. В этом же письме Байрон далее

пишет: "Думаю написать трагедию на эту тему, которая представляется мне очень драматичной. Старый и ревнивый человек организует заговор против правительства, главой которого является он сам. Последнее обстоятельство делает этот факт в высшей степени примечательным и единственным в своем роде во всех историях всех народов". В письме к Меррезо от 2 апреля этого же года поэт сообщает, что в Венеции его воображение более всего потрясло посещение Дворца дождей, где он увидел лестницу, на которой Марино Фальеро был коронован, а затем обезглавлен. После этих писем проходит три года, в течение которых Байрон создавал другие произведения, но, по всей видимости, наряду с работой над ними вел подготовку к осуществлению своего замысла - трагедии о Марино Фальеро. 9 апреля 1820 года Байрон написал Меррею, что "начал трагедию о Марино Фальеро, доже Венеции...", а в письме от 17 июля о ее завершении: "Трагедия завершена, теперь дело за перепиской и поправками. Она очень длинна... не считая исторических выдержек в качестве примечаний, которые я предполагаю дать в дополнение. Трагедия придерживается истории вплотную...". 31 августа 1820 Байрон пишет Меррею, что "вложил душу в эту трагедию", а также подчеркивает ее значение как исторической: "...Помните, это не политическая пьеса, хотя и может походить на таковую. Она строго историческая, читайте историю и судите по ней".

Несмотря на то, что Байрон возражал против постановки своей трагедии, однако еще при жизни поэта, 25 апреля, 1821 года, она была поставлена на сцене театра Дрюри-Лейн. Но спектакль не имел успеха. И все же в течение XIX века английские театры не раз включали "Марино Фальеро" в репертуар.

В России трагедия "Марино Фальеро" впервые была поставлена Передвижным театром под руководством П. П. Гайдебурова в 1912 году.

Сануто, Марино (Санудо Марин, 1466-1531) - итальянский историк.

...привожу в приложении. - Приложение Байрона (в настоящем издании опущено) состоит из трех разделов: а) Приводится текст "Истории Марино Фальеро, XLIX дожа, 1354" из сочинения Марино Сануто в переводе на английский; в) Приводится текст Послания Петрарки о заговоре Марино Фальеро; с) Приводится фрагмент из книги: Дарю. "История Венецианской республики", Париж, 1821, V, 328-332. В фрагменте, отобранном Байроном, говорится об упадке нравов в Венеции на протяжении длительного периода ее истории.

...при осаде Зары... - Зара (Задар) - город на берегу Адриатического моря. Начиная с XII века и до 1409 года попеременно попадал то под власть Венгрии, то Венеции. Здесь речь идет об осаде города в 1346 году, когда венецианским войскам удалось вновь отвоевать Зару у венгров.

Алезия - древний галльский город-крепость; в 52 году до н. э. был осажден Юлием Цезарем.

Подеста... - во многих итальянских городах-коммунах XII - начала XVI в. глава исполнительной и судебной власти. В период XIV-XV вв. подеста осуществлял лишь судебные функции.

Тревизо - город в Северной Италии.

Тваком и Сквейр - персонажи романа "История Тома Джонса, найденыша" английского писателя Генри Филдинга (1707-1754).

Андреа Навагеро (Наваджеро) (1483-1529) - итальянский историк, в 1506 году получил звание историографа Венецианской республики.

Дарю, Пьер Антуан Брюно (1767-1829) - французский историк и литератор, автор "Истории Венецианской республики" (1819).

Сисмонди, Жан Шарль Леонар Сисмонд де (1773-1842) - швейцарский экономист и историк. Байрон имеет в виду труд Сисмонди "История итальянских республик в средние века".

Ложье, Мари-Антуан (1713-1769) - французский историк.

Мур, Джон (1729-1802) - английский писатель, автор романа "Зелуко". Здесь речь о его книге "Обзор общества и нравов в Италии" (1781).

...Лукреция была причиной изгнания Тарквиниев... - По преданию, царь Рима Тарквиний Гордый (534-510 до н. э.) был изгнан за то, что его сын обесчестил жену патриция Коллатина Лукрецию.

...Кава привела мавров в Испанию... - По преданию, испанский король Родриге оскорбил Каву, дочь графа Хулиана, и Хулиан из мести к королю призвал в Испанию мавров, которые поработили страну.

...галлов повел в Клузиум и оттуда в Рим оскорбленный муж... - Согласно римскому историку Титу Ливию, во время нашествия галлов (IV в. до н. э.) один житель Клузиума (Клюзия) показал дорогу галлам в свой родной город, чтобы этим отомстить старейшине города, обесчестившему его жену.

"гнев юноши горит как солома..." - Цитата из песни Дэви, одного из героев романа В. Скотта "Уэверли, или шестьдесят лет назад" (гл. XIV).

Льюис, Мэтью Грегори (1775-1818) - английский писатель, автор романа "Монах", пьесы "Призрак в замке" и др.

Вейли, Джоанна (1762-1850) - шотландская писательница и драматург, наиболее известной была ее пьеса "Монфор" ("Де Монфор") (1800).

Милман, Генри Харт (1791-1868) - английский драматург, поэт и историк, автор пьесы "Падение Иерусалима" (1820).

Уилсон, Джон (1785-1854) - английский поэт, автор "Города чумы" (1816).

Уолпол, Горас, граф Орфорд (1717-1797) - английский писатель и драматург, автор трагедий "Замок Отранто" (1765) и "Таинственная мать" (1768).

Совет Сорока - высший судебный орган Венецианской республики.

Совет Десяти - орган государственной власти в Венеции, который вел тайный надзор за должностными лицами.

Джунта - название Органов местного самоуправления в Италии; здесь совет, созываемый при чрезвычайной необходимости.

Синьория - орган городского самоуправления в итальянских городах-коммунах в XIII-XIV веках.

Авогадоры - государственные обвинители.

"...На троне дожа вырезал такие // Слова..." - Слова, которые написал Микеле Стено на кресле дожа, согласно Марино Санутэ, были следующие: "Марино Фальер, муж красавицы-жены; другие ее целуют, а он ее держит".

Прорвись к святому Марку... - Имеется в виду собор св. Марка в центре Венеции.

Дандоло - одна из древних патрицианских фамилий. Здесь речь идет об Энрико Дандоло

(1108-1205), доже Венеции с 1192 года. В 1204 году венецианские войска под предводительством Дандоло вместе с крестоносцами взяли Константинополь. Дандоло тогда отказался от византийской короны, предложенной ему крестоносцами.

...искупали гекатомбой... - Гекатомба - жертвоприношение в Древней Греции из ста голов скота, преимущественно быков.

...под Сапиенцей генуэзцы // Разбили... - Битва, в которой генуэзцы победили венецианцев, произошла 4 ноября 1354 года.

Он с колокольни Марка грянет - час!.. - Колокола собора св. Марка били лишь по приказу дожа.

Мост вздохов - мост, соединявший дворец дождей с тюрьмой; по нему вели преступников на казнь.

Стикс - по древнегреческой мифологии подземная река, через которую души умерших перевозились в загробный мир.

...и Катилину мерят... - Луций Сергий Катилина (ок. 108-62 до н. э.) римский претор в 68 году, в 66-63 годах пытался захватить власть, привлекая недовольных обещанием кассации долгов. Заговор был раскрыт и подавлен.

"Она лишь имя"... - Эти слова приписываются Бруту, Марку Юнию (85-42 до н. э.) - главе (наряду с Кассием) заговора против Цезаря.

Алкид - Геркулес, герой древнегреческих сказаний.

...каждый сбир за мной следил бы... - Сбир - тайный полицейский стражник в Италии.

Левиафан - в библейской мифологии огромное морское чудовище.

...плебейский Гракх... - Гракхи, Тиберий (163-132 до н. э.) и Гай (153-121 до н. э.) - трибуны Древнего Рима, боровшиеся за осуществление аграрной реформы в интересах крестьянских и плебейских масс, погибли в борьбе с сенатской знатью.

И солнце // Над Адрией... - Адрия - Адриатическое море.

Лидо - остров близ Венеции.

Тимолеон - коринфский полководец (411-337 до н. э.).

А Манлий, галлов сбросивший, был сам // С Тарпея свергнут... - Марк Манлий Капитолийский - ритиский консул 392 г. до н. э. Спас Капитолий от галлов (387 г. до н. э.). Впоследствии был обвинен патрициями в государственной измене и сброшен с Тарпейской скалы Капитолия.

И быстрый Кассий... - Кассий (?-42 до н. э.) - римский полководец, политический деятель, участник убийства Юлия Цезаря. После поражения при Филиппах покончил с собой.

Гелон - Гелон Сиракузский (ок. 540-478 до н. э.), тиран городов Гелы и Сиракуз (Сицилия). Фразибул - афинский полководец времен Пелопонесской войны (431-404 гг. до н. э.); возглавил борьбу с олигархическим правительством Тридцати в Афинах, которое было свергнуто.

Люстр - искупительная и очистительная жертва, приносившаяся в древнем мире через каждые пять лет; другое значение этого слова - "пяtilетие".

Позор жены царей изгнал из Рима... - См. прим. к стр. 55.

Муж оскорбленный предал Ключий галлам... - См. прим. к стр. 55.

Бесстыдный жест Калигулу убил... - Калигула (12-41) - римский император, отличавшийся жестокостью и развратностью, был убит в результате заговора против него трибуном преторианской когорты Кассием Хереа, которого Калигула оскорблял непристойными жестами.

Обида девы маврам от дала//Испанию... - См. прим. к стр. 55.

Персеполь... - древний иранский город. В 330 году до н. э. захвачен Александром Македонским, сожжен и заброшен.

...ценности предоставляя фиску... - Фиск - государственная казна.

Буцентавр - парадная галера, на которой дож Венеции ежегодно выезжал в Адриатическое море для обряда "бракосочетания с Адриатическим морем": дож бросал в море золотое кольцо.

Агис - спартанский царь (III век до н. э.).

Я воззову ко Времени, не к людям... - Этот монолог Марино Фальеро Байрон сопровождал целым рядом ссылок на источники (в настоящем издании они опущены), которые как бы подтверждают пророчество дожа о будущем Венеции.

Р. Усманова